



Л. КОЛАКОВСКИЙ

Перипетии ленинизма: от теории государства к государственной идеологии

1. Большевики и война

1908–11 годы были периодом катастрофического упадка и распада российского социал-демократического движения. В период послереволюционных репрессий произошла временная стабилизация царского режима, поскольку гражданские свободы были значительно расширены, и были предприняты попытки укрепить пошатнувшееся социальное устройство на иных основах, а не на бюрократии и армии. Премьер-министр Столыпин¹ начал реформы, направленные на создание сильного класса крестьянства, владеющего средними по размеру земельными угодьями. Эти меры вызвали беспокойство у социалистов, особенно тех, кто придерживался ленинских убеждений, и которые понимали, что если аграрный вопрос может быть решен при капитализме путем реформ, то революционный потенциал землевладельческих масс будет безвозвратно утрачен. В статье от 29 апреля 1908 года, озаглавленной «На проторенной дороге!» (*Works*, vol. 15, pp. 40 ff.), Ленин признавал, что политика Столыпина может увенчаться успехом и может установить «пруссский путь» капиталистического развития в сельском хозяйстве. Если это произойдет, «честные перед самими собой марксисты прямо и открыто выбросят все “аграрные программы” на свалку и скажут массам: “Рабочие сделали все, что могли, для обеспечения России не юнкерского, а американского капитализма. Рабочие зовут вас теперь к социальной революции пролетариата, ибо после “решения” аграрного вопроса

в столыпинском духе никакой иной революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может»».

Политика Столыпина продлилась недостаточно долго, чтобы принести желаемые результаты, которые могли бы полностью изменить дальнейший ход событий: Ленин писал после 1917 года, что революция не могла бы увенчаться успехом, если бы большевики не переняли эсеровскую программу конфискации земли и распределения ее среди крестьян. Несмотря на убийство Столыпина в 1911 году, в течение нескольких лет Россия явно двигалась в направлении буржуазного государства с зачатками конституционной монархии. Это привело к новым разногласиям среди социал-демократов. В дополнение к «отзовистам», то есть тем большевикам, которые верили исключительно в незаконную революционную деятельность, Ленин в это время непрерывно нападал на «ликвидаторов», этот термин является более или менее синонимичным меньшевикам. Он обвинял Мартова, Потресова, Дана² и большинство других лидеров меньшевиков в желании ликвидировать нелегальную партийную организацию и заменить ее «бесформенным» легальным собранием рабочих, ориентированным на «реформистскую» борьбу в рамках существующего порядка. Меньшевики на самом деле не хотели прекращать незаконную деятельность партии, но они придавали гораздо большее значение мирным методам и легальному развитию рабочих организаций, надеясь, что после свержения самодержавия социал-демократы окажутся в таком же положении, как их братья в Западной Европе. Между тем старые внутривнутрипартийные разногласия продолжали существовать. Меньшевики признавали австрийский вариант решения национального вопроса («экстерриториальная автономия»), в то время как большевики выступали за самоопределение, включая право на отделение. Меньшевики поддерживали связи с Бундом и польскими социалистами, которых Ленин считал представителями буржуазного национализма. Однако Плеханов, в отличие от большинства лидеров меньшевиков,

был против политики «ликвидаторов», и, соответственно, Ленин прекратил нападки и полемику, направленную против него, и вернулся к своего рода шаткому союзу с ветераном русского социализма.

Различные разногласия привели к новому и окончательному расколу в партии. В январе 1912 года большевистская конференция в Праге объявила себя общепартийным съездом, избрала свой собственный Центральный комитет и порвала с меньшевиками. Помимо Ленина, Зиновьева и Каменева³ в Центральный комитет входил Роман Малиновский⁴, агент Охранки, о котором Ленина неоднократно предупреждали меньшевики: он назвал эти предупреждения «самой грязной клеветой, которую они могли собрать в мусорных кучах черносотенных газет» («Ликвидаторы и биография Малиновского», май 1914 года; Сочинения, т. 20, стр. 204). Малиновский действительно был послушным исполнителем ленинских приказов, как ему велела Охранка, и у него не было собственных идеологических или политических амбиций. Вскоре после Пражской конференции Сталин был принят в Центральный комитет по инициативе Ленина, тем самым дебютировав на поприще российской социал-демократической политики.

Ленин провел последние два года перед началом войны в Кракове и на близлежащем курорте Поронин, откуда было легче поддерживать контакт с организацией в России. Большевики не упускали ни одной возможности легальной деятельности. С 1912 года они издавали «Правду» в Санкт-Петербурге; газета вновь появилась после Февральской революции и с тех пор является ежедневной партийной газетой. В Думе было несколько членов-большевиков, которые сотрудничали с меньшевиками, пока Ленин не запретил им это.

Начало войны застало Ленина в Поронине. Арестованный австрийской полицией, он был освобожден через несколько дней благодаря вмешательству польской социалистической партии и венских социал-демократов. Затем он вернулся в Швейцарию, где оставался до апреля 1917 года, выступая против «оппортунистических предателей», которые разру-

шили Интернационал, и разрабатывая директивы для революционной социал-демократии в новой ситуации. Ленин был первым и единственным важным лидером социал-демократии в Европе, провозгласившим лозунг революционного поражения: пролетариат в каждой стране должен стремиться к военному поражению своего собственного правительства, чтобы превратить империалистическую войну в гражданскую. Из руин Интернационала, большинство лидеров которого перешли на службу империалистам, должен быть создан Коммунистический интернационал для руководства революционной борьбой пролетариата.

Эти призывы вполне могли показаться пустыми мечтами, поскольку лишь горстка социалистов была готова их поддержать. Большинство социал-демократов придерживалось мнения, что им следует приостановить классовую борьбу и сплотиться для защиты своей страны. Среди русских, которые думали таким образом, был Плеханов, который, продолжая провозглашать себя марксистом, всем сердцем принял патриотическую точку зрения. Это резко положило конец перемирию между ним и Лениным, и Плеханова и Потресова снова осудили как «клоунов» и лакеев реакционного лидера Пуришкевича⁵. Ленин придерживался аналогичного взгляда на всех социалистических лидеров, которые основывали свою позицию на принципе национальной самообороны, таких как Хайндман в Великобритании и Гед и Эрве⁶ во Франции: естественно, среди воюющих держав не было «агрессоров». Постепенно, однако, анти-военные группы были сформированы во всех странах, в основном социалистами, которые ранее занимали важное положение: Бернштейн, Каутский и Ледебур в Германии, Рамсей Макдональд в Великобритании⁷. К таким группам принадлежало большинство бывших меньшевиков во главе с Мартовым и Аксельродом⁸, а также Троцкий. В течение какого-то времени, несмотря на фундаментальные разногласия, группа Ленина пыталась договориться с этими «пацифистами». Главным образом, благодаря усилиям швейцарских и итальянских социалистов в сентябре 1915 года

в Циммервальде⁹ состоялась международная конференция, на которой была принята компромиссная антивоенная резолюция. Циммервальд некоторое время считался местом зарождения нового международного движения, но после русской революции разногласия между центром и левыми в Циммервальде оказались сильнее, чем конфликт между пацифистами и «социал-шовинистами», как называли тех, кто призывал защищать свою страну любой ценой. Левые в Циммервальде, представлявшие семь из тридцати восьми делегатов, в дополнение к общей резолюции, издали свою, призывая социалистов уйти из империалистических правительств и основать новый революционный Интернационал.

Вначале Ленин нападал на пацифистски настроенных социал-демократов, выступавших против войны, почти так же яростно, как и на «социал-шовинистов». Его основные возражения заключались, во-первых, в том, что центристы хотели мира посредством международного соглашения, а не путем ведения революционной войны против своих собственных правительств. Это означало возврат к довоенному порядку и стремление к миру «буржуазными» методами. Центристы, очевидно, были ставленниками буржуазии, и они не понимали, что единственный способ остановить империалистическую войну — это революция, которая, по крайней мере, свергнет три великие континентальные империи. Во-вторых, пацифисты хотели «мира без аннексий или контрибуций», под которыми они подразумевали только отмену аннексий военного времени, тем самым сохраняя старые империи со всеми их националистическими притеснениями. Однако революционной целью должно быть признание недействительными всех аннексий и обеспечение права всех народов на самоопределение и, если они того пожелают, на создание своих собственных национальных государств. Ленин был непреклонен, осуждая социалистов, которые выступали против аннексии и угнетения, но только тогда, когда это совершали их национальные враги. Немцы были полны негодования по поводу обращения с подвластными национальностями в России, но молчали о ситуации в Рейхе

и Австро-Венгрии; русские и французские социалисты требовали свободы для подданных в Союзе центральных держав, но молчали о подданных царя. Наконец, хотя пацифисты на словах осуждали шовинизм, они не могли решиться порвать с оппортунистами раз и навсегда, а наоборот мечтали воссоединиться с ними и воскресить труп Интернационала. Этот момент особенно важен. Как и в случае всех предыдущих споров и расколов внутри партии, Ленин проявил одинаковую жестокость по отношению к своим оппонентам и «соглашателям» в своем собственном лагере, которые не решались полностью порвать с оппозицией и, таким образом, пожертвовали своими принципами ради стремления к организационному единству. Центристы осудили позицию Ленина как фанатичную и раскольническую, и действительно, в некоторых случаях она, казалось, сводилась к его руководству беспомощной, изолированной группой. В конце концов, однако, он оказался прав, поскольку никакая другая тактика не смогла бы создать такую централизованную, дисциплинированную партию, как большевики; в критический момент более слабо организованная партия не смогла бы справиться с ситуацией и захватить власть.

В последние годы жизни за пределами России Ленин написал, пожалуй, самую известную из своих работ: «Империализм, высшая стадия капитализма» (опубликована в Петрограде, 1917). Эта брошюра, экономические разделы которой не содержат ничего такого, чего нельзя было бы найти в основных источниках Ленина, Гобсона и Гильфердинге¹⁰, должна была послужить теоретической основой для новой тактики, которая должна была стать доминирующей в революционной партии. Подчеркивая всемирный характер и неравномерное развитие империализма, Ленин заложил основу тактики, которая вскоре должна была стать обязательной для коммунистических партий: правильным курсом была поддержка любого движения, стремящегося свергнуть систему в любой момент, по любым причинам и в интересах любого класса: освобождение в колониальных странах, национальные или крестьянские

движения, буржуазные национальные восстания против крупных империалистов. Это был обобщающий вывод о тактике, которую он проповедовал в России в течение многих лет: поддерживать все требования и все движения против царского самодержавия, чтобы использовать их источники энергии и захватить власть в критический момент. Победа марксистской партии была конечной целью, но она не могла быть достигнута одним только пролетариатом. Ленин вскоре фактически пришел к выводу, что революция не может быть осуществлена рабочим классом от своего имени, без поддержки других массовых движений, например, национальных или крестьянских; другими словами, социалистическая революция в традиционном марксистском смысле была невозможна. Это открытие было источником почти всех успехов ленинизма и почти всех его неудач.

Вопрос об отношениях с крестьянством был в это время одним из главных пунктов разногласий между Лениным и Троцким. До начала войны Троцкий жил в основном в Вене, где с 1908 года редактировал свой собственный журнал «Правда» (в 1912 году он обвинил большевиков в краже его названия). Время от времени он работал с меньшевиками по различным вопросам, но не присоединялся к ним, так как придерживался иных взглядов на грядущую революцию, предсказывая, что она перерастет в социалистическую фазу. Он предпринимал неоднократные, но безуспешные попытки восстановить единство партии. С 1914 года он принадлежал к антивоенному крылу и присоединился к Ленину в нападениях на «социал-патриотизм»; он также составил манифест Циммервальда. Вместе с Мартовым он издавал в Париже журнал, в который внесли свой вклад Луначарский¹¹ и другие выдающиеся умы из числа социал-демократов. Со Второго съезда до 1917 года, когда он присоединился к большевикам, он был объектом исключительной враждебности со стороны Ленина, независимо от того, соглашались они или нет по актуальным вопросам. Ленин описывал его, в зависимости от обстоятельств, как шумного болтуна, комедианта, интригана, сводника и «Иудушку» («маленький Иуда»,

лицемерный персонаж романа Салтыкова-Щедрина «Семья Головлевых»); он не упускал возможности сказать, что Троцкий был человеком без принципов, лавирующим между одной группой и другой и заботящимся только о том, чтобы его не разоблачили. В 1911 году он писал: «С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают, как... дипломата самой мелкой пробы» (“Trotsky’s Diplomacy on a Certain Party Platform”, 21 Dec. 1911; *Works*, vol. 17, p. 362).

В 1914 году он повторил ту же мысль: «У Троцкого же никогда никакой «физиономии» не было и нет, а есть только перелеты, переметывания от либералов к марксистам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда» (“The Break-Up of the «August» Bloc”, 15 Mar. 1914; *Works*, vol. 20, p. 160). Что касается самого «троцкизма»: «Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — “отрицание” роли крестьянства» (“On the Two Lines in the Revolution”, 20 Nov. 1915; *Works*, vol. 21, p. 419).

Троцкий фактически разделял точку зрения Ленина о том, что партия должна быть руководящей силой в революционной борьбе, а не придатком буржуазии. Как и Ленин, он был против как ликвидаторов, так и отзовистов, и он предвидел, раньше, чем Ленин, «революцию в два этапа». Однако он не верил в революционный потенциал крестьянства и считал, что пролетариат восторжествует в России благодаря общеевропейской революции.

2. Революции 1917 года

Хотя различные политические группы социалистов жили в ожидании революции, восстание в феврале 1917 года произошло без их помощи и стало неожиданностью для них всех. За несколько недель до этого Троцкий обосновался

в Соединенных Штатах, полагая, что навсегда покидает Европу. Ленин в январе 1917 года прочитал в Цюрихе лекцию о революции 1905 года, в которой содержались слова: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» (*Works*, vol. 23, p. 253). Если какая-либо партия и имела непосредственное отношение к Февральской революции, то это были кадеты (либералы), действовавшие совместно с правительствами Антанты. Сам Ленин заметил, что капиталисты Франции и Великобритании, а также России хотели помешать царю заключить сепаратный мир с германским императором и поэтому сговорились сместить его с трона. Заговор совпал с восстанием масс, доведенных до отчаяния голодом, поражением и экономическим хаосом. Династия Романовых, которая продержалась триста лет, рухнула в одночасье, и было ясно, что никакие серьезные силы в обществе не были готовы защищать ее. В течение восьми месяцев, в первый и последний раз в своей истории, Россия пользовалась полной политической свободой: не благодаря какому-либо правовому порядку, а главным образом потому, что никакая социальная сила не управляла ситуацией. Временное правительство, созданное Думой, делило неопределенную власть с Советами (Советами) рабочих и солдатских депутатов, сформированными в подражание 1905 году, но ни одно из них не контролировало должным образом вооруженные массы больших городов. Большевики в то время составляли незначительное меньшинство в Советах, и все партии были совершенно сбиты с толку относительно курса, по которому шла революция.

Ленин прибыл в Петроград в апреле: немцы выдали ему и нескольким десяткам репатриантов из различных политических партий охранные грамоты. Его противники использовали этот предлог, чтобы заклеить его как немецкого агента. Ленин принял немецкую помощь, конечно, не для того, чтобы помочь кайзеровской войне, а в надежде, что революция распространится из России на остальную Европу. В «Письмах издалека», написанных незадолго до того, как он покинул Швейцарию, он сформулировал свою основную

стратегию. Поскольку русская революция была буржуазной, задача пролетариата состояла в том, чтобы разоблачить обман правящих классов, которые не могли дать народу хлеба, мира и свободы; на повестке дня стояла подготовка «второго этапа» революции, который дал бы власть пролетариату, поддерживаемому неимущей, полупролетарской частью крестьянства. Эти принципы были развиты сразу после его возвращения в Россию в знаменитых «Апрельских тезисах». Никакой поддержки войне или Временному правительству; власть для пролетариата и бедных крестьян, замена парламентской республики республикой Советов, упразднение полиции, армии и бюрократии, все должностные лица должны быть выборными и сменяемыми; конфискация крупных поместий, советский контроль над всем общественным производством и распределением, восстановление Интернационала и принятие партией названия «коммунистическая».

Этим лозунгам с их четким требованием немедленного перехода к социалистической фазе революции противостояли не только меньшевики, видевшие в них полное отрицание социалистической традиции, но и многие большевики. Однако твердость Ленина положила конец всем сомнениям. В то же время он дал понять своим последователям, что Временное правительство не может быть свергнуто сразу, так как его поддерживают Советы. Большевики должны сначала получить контроль над Советами и привлечь на свою сторону большинство трудящихся масс, убедив их в том, что империалистическая война может быть закончена только диктатурой пролетариата.

В июле Ленин отказался от лозунга «Вся власть Советам», решив, что большевики пока не смогут получить в них большинство и что преобладающие в них партии меньшевиков и эсеров перешли на сторону контрреволюции и стали прислужниками царских генералов. Таким образом, мирный путь к революции был закрыт. Отмена лозунга произошла после демонстрации силы большевиками, которая, хотя Ленин упорно отрицал это в последующие годы, вероятно, была первой попыткой захватить власть. Под угрозой аре-

ста Ленин бежал из Петрограда и скрылся в Финляндии, руководя деятельностью партии и одновременно создавая «Государство и революцию» — полуанархистский по своей сути план пролетарского государства, в котором власть должна была непосредственно осуществляться всем вооруженным народом. Основные идеи этой программы были не только вскоре опровергнуты ходом большевистской революции, но и подвергнуты критике самим Лениным как анархо-синдикалистские фантазии.

Неудачный путч генерала Корнилова¹² усилил всеобщую неразбериху и облегчил задачу большевикам. Партийная политика Ленина заключалась в том, чтобы содействовать борьбе с Корниловым, но не скатывалась к поддержке правительства Керенского. Как он заявлял в письме в Центральный комитет 30 августа, «Развитие этой войны одно только может нас привести к власти ж оговорить в агитации об этом поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти и тогда мы ее не выпустим)» (*Works*, vol. 25, p. 289).

В сентябре большевики получили большинство в Петроградском совете, и Троцкий стал его председателем. В октябре большинство членов Центрального комитета проголосовало за вооруженное восстание; Зиновьев и Каменев выразили несогласие и публично заявили о своей позиции. Захват власти в Петрограде был сравнительно легким и бескровным. Съезд Советов, собравшийся на следующий день с большевистским большинством, принял декрет по земельному вопросу и декрет, призывающий к миру без аннексий и контрибуций. У власти находилось чисто большевистское правительство, и, как и обещал Ленин, оно не собиралось сдаваться.

Не может быть никаких сомнений в том, что повстанческая политика Ленина и все его расчеты основывались на уверенности в том, что русская революция вызовет мировую революцию или, по крайней мере, европейскую. На самом деле эту точку зрения разделяли все большевики: в первые несколько лет после революции не было и речи о «социализме в одной стране». В прощальном письме швейцарским рабо-

чим в 1917 году Ленин писал, что ввиду аграрного характера России и массы неудовлетворенных крестьянских устремлений русская революция «может», в силу ее масштаба, стать прелюдией к мировой социалистической революции. «Мощь» вскоре исчезает из речей и статей Ленина, и в течение следующих нескольких лет в них выражается уверенность в том, что пролетарская власть в Западной Европе не за горами. В сентябре 1917 года он писал: «...назревание и неизбежность всемирной социалистической революции не подлежат сомнению... Завоевав власть, пролетариат России имеет все шансы удержать ее и довести Россию до победоносной революции на Западе» (“The Russian Revolution and Civil War”, *Works*, vol. 26, pp. 40–1). Почти накануне Октябрьской революции он писал: «О сомнениях не может быть и речи. Мы стоим на пороге мировой пролетарской революции» (“The Crisis has Matured”; *ibid.*, p. 77). После революции он заявил на Третьем съезде Советов 24 января 1918 года: «...мы видим, что во всех странах мира социалистическая революция зреет не по дням, а по часам» (*ibid.*, p. 471). В августе 1918 года: «Видно уже, как участились искры и взрывы революционного пожара в Западной Европе, дающие нам уверенность в недалекой победе международной рабочей революции» (*Works*, vol. 28, p. 54). 3 октября 1918 года: «Кризис в Германии только начался. Он кончится неизбежно переходом политической власти в руки германского пролетариата» (*ibid.*, p. 101). 3 ноября 1918 года: «Уже близко то время, когда повсеместно будет праздноваться первый день всемирной революции» (p. 131). 6 марта 1919 года на Первом конгрессе Третьего интернационала: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики» (p. 477). 12 июля 1919 года на Московской конференции партии он предсказал, что «следующий июль мы встретим победой международной Советской республики, — и эта победа будет полная и неотъемлемая» (*Works*, vol. 29, p. 493).

Эти пророчества основывались не только на наблюдении за событиями, «нарастающей волной революции» и выступ-

плениями в Баварии, Венгрии и Эстонии, но и на убеждении Ленина в том, что европейскую войну можно остановить только путем свержения капитализма. В речи 3 июля 1918 года он сказал, как сообщалось в «Правде», что «...война становится безысходной. В этой безысходности лежит залог того, что наша социалистическая революция имеет серьезное основание продержаться до того момента, когда вспыхнет мировая революция, а в этом порукой — война, которую смогут закончить только рабочие массы» (ibid., vol. 27, p. 502). Также не подлежит сомнению, что Ленин не верил в постоянство победы в одной стране. На Третьем съезде Советов в январе 1918 года он сказал: «Конечно, окончательная победа социализма в одной стране невозможна» (ibid., vol. 26, p. 470). В статье от 12 марта 1918 года: «Спасение лежит только на том пути мировой социалистической революции, на который мы вступили» (ibid., vol. 27, p. 161). В речи 26 мая 1918 года: «Мы не закрываем глаза на то, что нам одним — социалистической революции в одной стране, если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия, если бы мы жили в условиях более легких, чем после четырех лет неслыханной, мучительной, тяжелой и разорительной войны, — в одной стране социалистической революции своими силами всецело не осуществить» (ibid., p. 412). В речи 23 июля 1918 года: «Сознавая свое революционное одиночество, русский пролетариат ясно видит, что необходимым условием и основной предпосылкой его победы является объединенное выступление рабочих всего мира или некоторых передовых в капиталистическом отношении стран» (p. 545).

Когда эти надежды были разрушены и стало ясно, что европейский пролетариат либо не желает следовать примеру большевиков, либо потерпит неудачу в своих революционных начинаниях, и что войну можно закончить не только путем революции, партия столкнулась с вопросом о том, что делать с завоеванной ею властью. Не было и речи о том, чтобы отказаться от этой власти или, на практике, разделить ее с другими социалистическими силами. (Короткий эпизод с левыми эсерами не был особо значимым и не мог

считаться их «участием во власти».) Спор о «социализме в одной стране» разгорелся после смерти Ленина; Сталин в своей борьбе с Троцким полностью фальсифицировал предысторию проблемы, но он, вероятно, был более верен идеям Ленина, чем Троцкий. Речь шла не о том, следует или не следует строить социализм в стране, оказавшейся в изоляции по разным историческим причинам, а о том, должно ли строительство социализма в России быть подчинено делу мировой революции или наоборот. Этот вопрос имел решающее значение для политики советского государства, и особенно, но не только, для его внешней политики и определения целей Коминтерна¹³. Троцкий мог сослаться на многие высказывания Ленина, доказывающие, что он рассматривал Русскую революцию как прелюдию к мировой революции, а Советскую Россию как авангард международного пролетариата. Естественно, Ленин никогда не отрицал ничего из того, что он сказал по этому вопросу, и Сталин тоже не делал этого прямо; вместо этого он представил ситуацию так, будто речь шла о том, можно ли построить социализм в одной стране, подводя к тому, что Троцкий отказывается от дела социализма в России. Что касается Ленина, то следует признать, что после гражданской войны его внимание было почти полностью поглощено проблемами мирного строительства, и в последние годы его политика была политикой главы государства, а не лидера мировой революции. Это правда, что в речи 29 ноября 1920 года он сказал: «...как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы незамедлительно схватим его за шиворот» (*Works*, vol. 31, p. 441), и, без сомнения, он действительно имел в виду это; но когда он писал, что «коммунизм — есть советская власть плюс электрификация всей страны», он явно имел в виду электрификацию России, а не Западной Европы. Новая позиция Ленина не получила какого-либо четкого теоретического обоснования; попытка Сталина противопоставить позицию Ленина позиции Троцкого по этой проблеме была чисто демагогической, поскольку во времена Ленина этот вопрос не существовал в той форме, в которой его сформулировал

Сталин. Однако Сталин был не только более осторожен, чем Троцкий, в своей оценке перспектив мировой революции, но и более логично истолковал изречение Ленина о том, что Советская Россия была авангардом революции: ибо, если Советская Россия является самым ценным достоянием мирового пролетариата, очевидно, что все, что хорошо для советского государства, хорошо и для мирового пролетариата. Конечно, могла возникнуть проблема с тем, что делать, если непосредственные интересы советского государства вступают в противоречие с непосредственными интересами революционного движения в другой стране. Но в таких случаях стратегия Сталина заключалась в том, чтобы никогда не жертвовать интересами Советов ради неопределенной судьбы иностранной революции, что соответствовало ленинским принципам.

Действительно, нет лучшего доказательства того, что Ленин действовал именно таким образом, чем история Брест-Литовского договора. Эта унижительная капитуляция молодой республики перед немцами была осуществлена Лениным, несмотря на яростное сопротивление его собственной партии и почти всей России. Для патриотов, не входящих в большевистскую партию, это было национальным позором; для большевиков — предательством мировой революции и отречением Ленина от идеи о том, что не может быть и речи о сепаратном мире с германским империализмом, идеи, которая многократно повторялась до октября 1917 года. Договор был поражением, и Ленин никогда не пытался представить эту ситуацию иначе: у него не было привычки, как у Сталина позже, выставлять каждую неудачу как блестящий триумф. Ленин полностью осознавал дилемму: как он объяснил партии, он должен либо спасти власть большевиков путем позорного мира, либо вести революционную войну против Германии с высокой вероятностью того, что Россия потерпит поражение, а власть большевиков уничтожена. Урок был горьким, о чем свидетельствует частота его ссылок на договор в течение всей последующей жизни. Но его действия по принуждению Центрального комитета признать договор,

несмотря на первоначальное противодействие подавляющего большинства (с Бухариным в качестве одного из его главных лидеров), были первым ясным примером политики, которой позже последовал Сталин: интересы Советского государства и большевистской власти имеют первостепенное значение и никогда не должны подвергаться риску ради сомнительной мировой революции.

Почти сразу после революции вопрос о легитимности новой власти был однозначно решен в соответствии с ленинскими принципами. Выборы в Учредительное собрание, подготовка к которым велась еще до революции¹⁴, состоялись в конце ноября, и большевики получили около четверти голосов. Это был единственный случай выборов в российской истории, проведенных на основе равного, всеобщего избирательного права, и это произошло, когда популярность большевиков была на пике. Собрание, состоявшееся 18 января 1918 года, было разогнано вооруженными матросами, и таким образом закончилась история российской парламентской демократии. Как до, так и после разгона Собрания Ленин неоднократно заявлял, что наделение Собрания властью означало возвращение к власти буржуазии и крупных землевладельцев; на самом деле в нем было эсеровское большинство, выражавшее пожелания крестьянских масс. В речи 14 декабря 1917 года Ленин утверждал: «Мы скажем народу, что его интересы выше интересов демократического учреждения. Не надо идти назад к старым предрассудкам, которые интересы народа подчиняют формальному демократизму» (*Works*, vol. 26, p. 356). 26 декабря он снова заявил: «...лозунг “Вся власть Учредительному собранию”, не считающийся с завоеваниями рабоче-крестьянской революции, не считающийся с Советской властью... стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников... Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны, является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии» (pp. 381–2).

Говоря так, Ленин лишь озвучил свое давнее убеждение в том, что не дело народа решать, каковы его интересы. У него действительно не было намерения «возвращаться к старым предрассудкам»; однако какое-то время он считал, что, если диктатура должна быть направлена против крестьянства, то есть основной массы русского народа, она все еще может быть диктатурой, которую поддерживает подавляющее большинство пролетариата. Эта иллюзия тоже вскоре была развеяна. Однако с самого начала новое государство могло рассчитывать на поддержку большинства рабочих и крестьян; иначе оно не смогло бы пережить ужасающие тяготы гражданской войны, когда, как откровенно признавал Ленин, будущее Советской власти не раз висело на волоске. Сверхчеловеческая энергия, проявленная большевистской партией в те годы, и жертвы, которых она смогла добиться от рабочих и крестьян, спасли советскую власть ценой экономического краха, огромных человеческих страданий, гибели миллионов людей и деградации общества. На последнем этапе борьбы революция потерпела еще одно поражение в польской войне¹⁵, которое окончательно разрушило надежду на то, что советская система может быть привнесена в Европу в ближайшее время.

Что касается причин успеха Октябрьской революции, Ленин не пытался изложить этот вопрос в традиционных марксистских терминах, а ссылаясь на отсталость России, неудовлетворенные требования крестьян и военную ситуацию. 23 апреля 1919 года он писал: «... и русским было легче начать великую пролетарскую революцию, но им труднее будет продолжать ее и довести до окончательной победы, в смысле полной организации социалистического общества. Нам легче было начать, во-первых, потому, что необычная — для Европы XX века — политическая отсталость царской монархии вызывала необычную силу революционного натиска масс. Во-вторых, отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков» («*The Third International and its Place in History*»; *Works*, vol. 29, p. 310). 1 июля

1921 года на Третьем конгрессе Коминтерна он изложил вопрос еще яснее: «Мы победили в России, и притом с такою легкостью потому, что подготовили нашу революцию во время империалистической войны. Это — первое условие. Десять миллионов рабочих и крестьян были у нас вооружены, и нашим лозунгом был: немедленный мир, во что бы то ни стало. Мы победили потому, что широчайшие крестьянские массы были настроены революционно против крупных помещиков». Во-вторых, «...мы победили потому, что приняли программу социалистов-революционеров вместо нашей собственной и ввели ее в действие. Фактически наша победа заключается в том, что мы реализовали программу эсеров» (*Works*, vol. 32, pp. 473, 475).

Ленин действительно давно понял, что если бы российским коммунистам, подобно западным партиям, пришлось ждать, пока «противоречие между производственными отношениями и производительными силами» созреет до необходимой степени, они могли бы распрощаться с надеждой на пролетарскую революцию. Он полностью осознавал, что ход событий в России не имел никакого отношения к традиционным марксистским схемам, хотя и не рассматривал теоретическую проблему во всех ее аспектах. Огромная сила русской революции заключалась не в классовом конфликте между рабочими и буржуазией, а в чаяниях крестьян, разрухе военного времени и стремлении к миру. Это была коммунистическая революция в том смысле, что она передала государственную власть Коммунистической партии, но не в смысле подтверждения марксистских прогнозов относительно судьбы капиталистического общества.

3. Зарождение социалистической экономики

Экономическая история Советской России при Ленине делится на два периода: «Военный коммунизм» и, начиная с весны 1921 года, «Новая экономическая политика» (НЭП). Термин «Военный коммунизм» был введен во второй период и вводит в заблуждение в том смысле, что предполагает

временную политику, вызванную гражданской войной и необходимостью принятия чрезвычайных мер для обеспечения страны в состоянии экономической разрухи. В книгах по истории нередко этот вопрос ставится именно таким образом, и предполагается далее, что НЭП была запланирована заранее, но не могло быть осуществлена в силу исключительных обстоятельств войны: другими словами, это было не отступление и признание ошибки, а возвращение на ранее выбранный путь, от которого партия была временно вынуждена отклониться.

На самом деле, и ход событий, и рассуждения Ленина ясно показывают, что военный коммунизм с самого начала рассматривался как экономическая система, которая должна сохраняться до «полной победы коммунизма», в то время как НЭП была признана поражением. Ключевым вопросом в разоренной России, конечно, было производство продовольствия, особенно зерна. Военный коммунизм заключался в основном в том, чтобы реквизировать у крестьян все излишки продовольствия, или, скорее, все продукты питания, которые местные власти или реквизиционные отряды считали излишками. Поскольку невозможно было точно подсчитать количество запасов и «излишков» на миллионах мелких ферм, система реквизиций не только настроила крестьянские массы против правительства и привела к подкупу и насилию в огромных масштабах, но и разрушила сельскохозяйственное производство и, таким образом, подорвала всю систему власти. Ленин, однако, считал, что в стране мелких фермеров свободная торговля зерном, как принцип, а не временная мера, равносильна восстановлению капитализма, и что те, кто предлагал ее во имя экономического подъема, были не лучше союзников Колчака. В речи 19 мая 1919 года он упомянул «исторический момент, когда на первый план выступает борьба угнетенных трудящихся классов за полное свержение капитала, за полное уничтожение товарного производства» (*Works*, vol. 29, p. 352), и заявил, что свободная торговля зерном была политикой Колчака. 30 июля того же года в речи о ситуации с продовольствием он вновь подчер-

кнул, что вопрос о свободной торговле был решающим в последней битве с капитализмом и что «не может быть никаких уступок в этой сфере», поскольку свободная торговля была экономическим ресурсом Деникина и Колчака. «Мы знаем, что одним из главных источников капитализма является свобода торговли зерном в стране, и именно этот источник стал причиной разорения всех предыдущих республик. Сегодня идет последняя, решающая битва против капитализма и против свободы торговли, и для нас это действительно основная битва между капитализмом и социализмом. Если мы победим в этой борьбе, то не будет возврата к капитализму и прежней системе, не будет возврата к тому, что было в прошлом. Такой возврат будет невозможен до тех пор, пока идет война против буржуазии, против спекуляции и против мелкого собственностичества» (ibid., pp. 525, 526). Точно так же в статье, написанной, но не опубликованной в то время, он писал: «Свобода торговли зерном — это возвращение к капитализму, к полной власти землевладельцев и капиталистов, к жестокой борьбе между людьми за прибыль, к “свободному” обогащению немногих, к бедности масс, к вечному рабству» (ibid., p. 570).

Хотя тогда Ленин не предусматривал немедленного перехода к коллективному или государственному хозяйству, он не сомневался, что сельское производство с самого начала должно находиться под прямым государственным контролем, и что свободная торговля товарами означала крах социализма. Его план с самого начала заключался в том, чтобы сельскохозяйственное производство основывалось на полицейском принуждении крестьян и на прямой конфискации продукции в виде квот, которые должны были (хотя это было невозможно реализовать на практике) оставить крестьянам достаточно семенного зерна на следующий год и минимум, чтобы прокормить себя.

Переход к НЭПУ был обусловлен катастрофическим провалом этой политики — провалом, предсказанным меньшевиками и эсерами, которые за свои взгляды были осуждены, заключены в тюрьму и убиты как приспешники белогвардейцев.

Ленин озвучил изменения в политике на Десятом съезде партии в марте 1921 года. Он объявил, что мелкое крестьянство должно существовать в течение многих лет, и «лозунг свободной торговли будет неизбежным... Потому он и будет получать распространение, что он отвечает экономическим условиям существования мелкого производителя» (*Works*, vol. 32, p. 187). Он признавал, что в национализации торговли и промышленности партия пошла дальше, чем оправдывали теоретические или практические соображения, и утверждал, что «мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и перейти к свободному обмену; в противном случае будет невозможно — экономически невозможно — ввиду задержки мировой революции сохранить господство пролетариата в России» (*ibid.*, p. 225). Как вскоре после этого подчеркнул Ленин, под НЭП подразумевалась серьезная долгосрочная политика, состоящая не только в замене экспроприации излишков единым налогом на зерно, но и во множестве других мер: широкие льготы иностранному капиталу в России, помощь кооперативам, сдача государственных заводов в аренду частным лицам, льготы частным торговцам и распределение государственной продукции через частных торговцев, большая независимость и инициатива государственных предприятий в отношении использования финансовых и материальных ресурсов, а также введение материальных стимулов в производство. «Товарный обмен выдвигается на первый план в качестве основного рычага Новой экономической политики» (*ibid.*, p. 433). Ленин не скрывал того факта, что была совершена катастрофическая ошибка.

«Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными распоряжениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы подготовить — работой

долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму» (*Pravda*, 18 Oct. 1921).

«На экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским¹⁶, поражение, гораздо более серьезное, гораздо более существенное и опасное. Оно выразилось в том, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала того подъема производительных сил, который в программе нашей партии признан основной и неотложной задачей. Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года» (Address dated 17 Oct. 1921; *Works*, vol. 33, pp. 58, 63–4).

После Брестского договора НЭП стала второй крупной демонстрацией исключительной способности Ленина жертвовать доктриной ради сохранения власти. Это вызвало меньшую оппозицию в партии, поскольку все могли видеть, что страна находится на краю пропасти, но тем не менее это было отступление к капитализму — случай, как выразился Ленин, *reculer pour mieux sauter*¹⁷. В предыдущие годы он полагал, что все важные экономические проблемы могут быть решены с помощью полицейского и военного террора. Такова была политика якобинцев; он верил, что это принесло отличные результаты, но, как и они, он оказался на краю пропасти, хотя и смог отступить в последний момент. Его экономические директивы в период военного коммунизма были просты: они состояли из расстрелов, тюремного заключения и запугивания. Однако оказалось,

что марксистская доктрина была совершенно права: экономическая жизнь имеет свои законы, которые нельзя отменить террором; во время голода и распада общества казнь спекулянтов не положит конец спекуляции.

4. Диктатура пролетариата и диктатура партии

Однако новая ситуация привела к другим изменениям, которые неизбежно должны были вызвать разногласия в партии. Все дореволюционные обещания внезапно превратились в клочки бумаги. Ленин взял на себя обязательство упразднить постоянную армию и полицию, уравнивать зарплату высокопоставленных чиновников и специалистов, с одной стороны, и квалифицированных рабочих — с другой; он пообещал, что вооруженный народ будет осуществлять прямое правление. Сразу после революции и задолго до НЭП стало очевидно, что это были утопические мечты. Армия с кадрами профессиональных офицеров должна была быть организована сразу же на основе субординации и строгой дисциплины, как и любая другая армия. Троцкий проявил свой талант как главный организатор Красной Армии и был главным архитектором победы в гражданской войне. Применявшиеся методы были достаточно жесткими — брали и казнили заложников, расстреливали дезертиров и тех, кто их укрывал, а также солдат за нарушения дисциплины и т.д. Но такие методы были бы невозможны без большой, надежной вооруженной силы: чтобы удержать армию посредством запугивания и террора, должно быть достаточно людей, готовых применить этот террор в ситуации, контрреволюционный террор также является мощной силой. Сразу после революции необходимо было создать силы политической полиции, что было эффективно осуществлено Феликсом Дзержинским. Вскоре стало ясно, что производство не может быть организовано без привилегий для специалистов и что оно не может основываться только на запугивании: еще в апреле 1918 года Ленин признал в работе «Очередные

задачи советской власти», что в этом отношении необходимо «пойти на компромисс» и отойти от принципов Парижской коммуны. Ленин также с самого начала революции провозгласил, что важно учиться у буржуазии (Струве¹⁸ в свое время был заклеен как отступник за то, что говорил то же самое). Те, кто думал, что социализм можно построить, не учась у буржуа, — так Ленин говорил Центральному исполнительному комитету 29 апреля 1918 года, — имели менталитет уроженцев Центральной Африки (*Works*, vol. 27, p. 310). В своих трудах и выступлениях он уделял все больше и больше внимания «цивилизации» (культуре), то есть техническим и административным навыкам, необходимым для управления промышленностью и государством. Он подчеркивал, что коммунисты должны перестать быть высокомерными, должны признать свое невежество и научиться этим навыкам у буржуазии. (Ленин всегда с большим недоверием относился к коммунистам, за исключением целей политической агитации и борьбы: в 1913 году, когда он услышал, что Горький консультировался у большевистского врача, он сразу же написал, призывая его найти настоящего врача, а не «товарища», который наверняка был ослом). В мае 1918 года ему пришел в голову иной, лучший, чем Парижская коммуна, образец для подражания, а именно — Петр Великий. «Пока в Германии революция еще медлит “разродиться”, наша задача — учиться государственному капитализму у немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» (*Works*, vol. 27, p. 340). Вскоре был введен принцип единства контроля в промышленности, и мечты о коллективном управлении фабриками были раскритикованы как синдикалистское отклонение.

Таким образом, новое общество должно было строиться посредством расширения технических и административных знаний, с одной стороны, и принуждения и запугивания — с другой. НЭП не принесла ослабления политиче-

ского и полицейского террора, да это и не предполагалось. Небольшевистская пресса была закрыта во время гражданской войны, и ей больше никогда не позволили появиться. Оппозиционные социалистические партии, меньшевики и эсеры, подверглись запугиванию и были ликвидированы. Автономия университетов была окончательно разрушена в 1921 году. Ленин постоянно повторял, что «так называемая свобода печати» была буржуазным обманом, как свобода собраний и право создавать партии, поскольку в буржуазном обществе у простых людей не было ни печатных станков, ни помещений для собраний. Теперь, когда советская система предоставила эти возможности «народу», последний, очевидно, не мог позволить буржуазии использовать их с целью обмана; и поскольку меньшевики и эсеры опустились до положения буржуазных партий, они тоже должны подчиниться диктатуре пролетариата. Закрытие меньшевистских газет в феврале 1919 года оправдывалось Лениным на том основании, что «Советское правительство, прямо во время последнего, решительного и самого острого вооруженного столкновения с войсками помещиков и капиталистов, не может мириться с людьми, которые не готовы на большие жертвы вместе с рабочими и крестьянами, борющимися за свое правое дело» (*Works*, vol. 28, p. 447). На Седьмом съезде Советов в декабре 1919 года он заявил, что, когда Мартов обвинял большевиков в том, что они представляют меньшинство рабочего класса, он говорил на языке «диких зверей империализма» — Клемансо, Вильсона и Ллойд Джорджа. Логическим выводом было то, что «мы должны быть начеку и понимать, что ЧК необходима!» (*Works*, vol. 30, p. 239).

Роспуск небольшевистских организаций и периодических изданий, изгнание из России (эта мягкая мера еще применялась) сотен представителей интеллектуальной элиты страны, чистки во всех культурных учреждениях, атмосфера террора во всех сферах жизни — все это имело незапланированный, но предсказуемый эффект — социальные конфликты стали отражаться внутри самой большевистской партии; и это, в свою очередь, привело к применению в пар-

тии того же принципа деспотического правления, который партия осуществляла по отношению к остальному обществу. Гражданская война привела к экономическому краху и всеобщей усталости, и истощенный рабочий класс не реагировал на призывы проявить тот же энтузиазм и самопожертвование в деле мирного строительства, что и на поле боя. То, что большевики представляли весь рабочий класс, было аксиомой с 1918 года; это не поддавалось проверке, поскольку для этой цели не существовало никаких институтов. Пролетариат, однако, начал проявлять гнев и недовольство, особенно сильно во время Кронштадтского восстания в марте 1921 года¹⁹, которое было подавлено путем страшного кровопролития. Кронштадтские моряки, как и подавляющее большинство рабочего класса, выступали за советскую власть, но они не отождествляли ее с деспотизмом одной правящей партии: они хотели правления Советов, а не партийного правления. Внутри самой партии недовольство пролетариата нашло отражение в сильной «рабочей оппозиции», представленной в Центральном комитете Александром Шляпниковым, Александрой Коллонтай²⁰ и другими. Эта группа хотела, чтобы управление экономикой было поручено общей организации трудящихся, т.е. профсоюзам; они призывали к выравниванию оплаты труда и протестовали против деспотических методов контроля внутри партии. Короче говоря, они хотели такой «диктатуры пролетариата», о которой Ленин писал до революции. Они верили, что демократия для рабочих и демократия внутри партии могут быть защищены даже тогда, когда ни для кого другого демократии не существует. Ленин и Троцкий больше не питали подобных иллюзий. Они заклеили «рабочую оппозицию» как анархо-синдикалистское движение, а ее представителей исключили из партийной работы под различными предлогами, хотя они и не были заключены в тюрьму или расстреляны.

Этот эпизод вызвал большую дискуссию о месте и функциях профсоюзов в советской системе. Три годами ранее, в марте 1918 года, Ленин выступил с резкой критикой меньшевиков за то, что они заявили, что «профессиональ-

ные союзы в интересах сохранения и укрепления классовой самостоятельности пролетариата не должны становиться государственными организациями... На самом же деле этот взгляд был и остается либо буржуазной провокацией самого грубого пошиба, либо — крайним недомыслием, рабским повторением лозунгов вчерашнего дня... Рабочий класс становится и стал господствующим классом в государстве. Профессиональные союзы становятся и должны стать государственными организациями, на которые в первую очередь ложится ответственность за реорганизацию всей хозяйственной жизни на началах социализма» (*Works*, vol. 27, p. 215). Идея превращения профсоюзов в государственные организации логически вытекала из теории пролетарской диктатуры. Поскольку пролетариат отождествлялся с государственной властью, было явным абсурдом считать, что рабочим придется защищать свои интересы от государства. Троцкий придерживался этой точки зрения, но Ленин изменил свое мнение по обоим пунктам в процитированном выше отрывке. Решив в 1920 году, что советское государство страдает от бюрократических нарушений, он критиковал Троцкого за то, что тот придерживался взглядов, которые он сам недавно выдвигал, и заявил, что дело профсоюзов — защищать рабочее государство, но также защищать рабочих от их собственного государства или, скорее, от его злоупотреблений. В то же время он был крайне против идеи о том, что профсоюзы должны взять на себя функции государства по управлению экономикой.

Тем временем Ленин предпринял шаги, чтобы в будущем не допустить возникновения оппозиционных групп внутри партии. Были приняты Правила, запрещающие создание внутрипартийных фракций и уполномочивающие Центральный комитет исключать из своей среды членов, избранных на съезде партии. Таким естественным образом диктатура, сначала осуществлявшаяся над обществом во имя рабочего класса, а затем над рабочим классом во имя партии, теперь применялась к самой партии, создавая основу для тирании одного человека.

Еще одна тема, которая становится все более и более заметной в последние годы жизни Ленина, — это только что упомянутая тема «бюрократических нарушений». Он все чаще и чаще жалуется на то, что государственный аппарат расширяется бесконечно без всякой на то необходимости и в то же время неспособен что-либо сделать, что все это путаница и волокита, что государственные служащие передают самые пустяковые вопросы для решения высшим партийным чиновникам и так далее. Ленину, похоже, никогда не приходило в голову, что корень этих проблем кроется в том факте, что вся система основана, как он постоянно подчеркивал, на силе, а не на законе. Он требовал, чтобы людей сажали направо и налево за неэффективность, а потом удивлялся, почему они боятся принимать решения, и при любой возможности делегируют их наверх. Он требовал бдительного надзора и исчерпывающих записей, и все же был поражен масштабом «графомании». (Часто цитируется его заявление о том, что «социализм равен Советской власти плюс электрификация»; реже цитируется его заявление, сделанное сразу после революции, о том, что «социализм подразумевает прежде всего учет всего» (заседание Центрального исполнительного комитета, 17 ноября 1917 года; *Works*, vol. 26, p. 288). Он создал систему, в которой, в зависимости от прихоти местной партийной или полицейской власти, любая критика могла быть расценена как контрреволюционная, а инициатор критики мог быть подвергнут тюремному заключению или смерти, и в то же время он призывал трудящихся быть бесстрашными в своей критике государственного аппарата. Его диагноз болезни бюрократии был простым: он был связан с отсутствием образования, «культуры» и административных способностей. Было два средства, тоже простых: посадить в тюрьму неэффективных и создать новые надзорные органы из честных чиновников. Он придавал большое значение возглавляемой Сталиным Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин), которая была назначена для надзора за всеми ветвями администрации и другими надзорными органами и от честности которой, по его мнению, в конечном счете

зависел успех борьбы с бюрократией. Этот орган, помимо усиления бремени террора и создания некомпетентных инструкций во всех сферах, использовался Сталиным, который стал Генеральным секретарем партии в 1922 году, как палка для избияния своих противников и оружие во внутривнутрипартийной борьбе. Этого, конечно, Ленин не предвидел. Он применил свое «окончательное лекарство» для бюрократии в виде дополнительного звена в бюрократической цепи, которая, как он хорошо знал, была неразрывно связана со страной. Иерархия росла и росла; она имела власть над жизнью и смертью каждого гражданина; сначала ею руководили преданные делу коммунисты, но со временем в нее попала масса карьеристов, паразитов и подхалимов, которые на протяжении многих лет моделировали стиль правления по своему образу и подобию.

Последние два года жизни Ленина были омрачены физической немощью из-за склероза и череды инсультов, несмотря на которые он продолжал бороться до конца. Его знаменитое «Завещание», состоящее из записок, написанных в декабре 1922 и январе 1923 года в рамках подготовки к съезду партии, было скрыто от советской общественности в течение следующих тридцати трех лет. В записках отражается его чувство беспомощности перед трудностями государства и приближающейся борьбой за власть в партийной иерархии. Он критикует Сталина за сосредоточение чрезмерной власти в своих руках и за то, что он был своевольным, капризным и нелояльным и, следовательно, не годился для того, чтобы оставаться на посту генерального секретаря. Ленин также перечисляет недостатки Троцкого, Пятакова²¹, Зиновьева и Каменева и критикует Бухарина за немарксистские взгляды. Он обвиняет Орджоникидзе, Сталина и Дзержинского в великорусском национализме и жестокости методов, использованных при вторжении в Грузию. Он говорит о необходимости «предоставить нерусским реальную защиту от истинно русского громады» и предсказывает, что, учитывая «аппарат, который... мы унаследовали от царизма и слегка помазали советским маслом», обещанная свобода выхода из Союза «будет всего лишь ключ-

ком бумаги, неспособным защитить нерусских от натиска этого действительно русского человека, великорусского шовиниста, по сути негодяя и тирана, каким является типичный русский бюрократ» (*Works*, vol. 36, pp. 605–6).

Эти призывы, предупреждения и осуждение имели мало практического значения. Ленин призывал к защите национальных меньшинств и праву на самоопределение сразу же после того, как Красная Армия с его благословения вторглась в Грузию с ее демократически избранным меньшевистским правительством. Он надеялся предотвратить фракционную борьбу, увеличив Центральный комитет, как будто его размер мог что-то изменить, когда он сам фактически положил конец демократии внутри партии. Он критиковал всех главных партийных лидеров и призывал к замене Сталина, но кто, по его мнению, должен быть новым генеральным секретарем — Троцкий с его «чрезмерной самоуверенностью», Бухарин, который не был марксистом, Зиновьев или Каменев, чья «измена» в октябре 1917 года была «не случайной», или Пятаков, на которого нельзя было положиться в важных политических вопросах? Каковы бы ни были политические намерения Ленина, «Завещание» сегодня звучит как крик отчаяния.

Ленин умер 21 января 1924 года. (Нет никаких доказательств, подтверждающих более позднее предположение Троцкого о том, что он был отравлен Сталиным.) Новое государство должно было развиваться в том направлении, которое он задал. Его забальзамированный труп, выставленный по сей день в мавзолее в Москве, как раз символизирует новый порядок, который, согласно его обещаниям, должен был вскоре охватить все человечество.

5. Теория империализма и революции

Большевистская теория империализма была работой Ленина и Бухарина: последний первым сформулировал основы стратегии революции для новой исторической эпохи. Ленин в своей работе об империализме, основанной, как

уже упоминалось, по большей части на «Империализме» Дж. А. Гобсона (1902) и «Финансовом капитале» Р. Гильфердинга (1910), перечисляет пять основных черт, отличающих империализм от доомонополистического капитализма: (1) концентрация производства и капитала, ведущая к доминированию в мировой экономике крупных монополий; (2) слияние банковского и промышленного капитала и последующее возвышение финансовой олигархии; (3) особо важная роль экспорта капитала; (4) разделение мира между монополистическими лигами международных капиталистов; (5) завершение территориального раздела мира между великими империалистическими державами. Эта ситуация не снимает противоречий капитализма, а обостряет их до предела; неравенство в развитии внутри системы и жесткая конкуренция не только не снижают вероятность войн, но делают их все более неизбежными. Последний момент подчеркивается Лениным в его нападках на Каутского, который утверждал, что можно предвидеть, что мировая экономическая система перейдет в фазу «ультраимпериализма», в которой великие державы и великие международные картели стабилизируют раздел мира и, таким образом, устранят риск войны. Каутский выдвинул это в качестве общей гипотезы, а не того, что должно было произойти, но Ленин был шокирован идеей капитализма без войн, вероятностью ситуации, при которой революции тоже были бы гораздо менее вероятны. «Глупая басня» Каутского была антимарксистской и симптомом оппортунизма: империализм не мог существовать без войн, поскольку не было другого способа регулировать и устранять неравенство мирового развития. Поэтому в своей статье «Военная программа пролетарской революции» (1916) Ленин сделал вывод, что социализм не может восторжествовать одновременно во всех странах: революционный процесс начнется в одной или нескольких странах, и это приведет к дальнейшим конфликтам и войнам.

Связь между перспективами революции и неравномерным развитием мировой экономики, которая в то же время составляла единую систему, была изложена Бухариным

в книгах, написанных во время войны и в первые годы после революции. Империализм, объяснил он, стремился преодолеть анархию производства и организовать рациональную экономику с государством в качестве надзорной и регулирующей силы; но он не смог устранить противоречия и конкуренцию и, следовательно, избежать империалистических войн. Капиталистическая система в целом созрела для социалистической революции; однако это было гораздо менее вероятно в тех местах, где технологическое развитие достигло своего пика и где буржуазия благодаря своим огромным прибылям смогла подкупить рабочих высокой заработной платой и отговорить их от революции, чем там, где концентрация противоречий была наибольшей, т.е. на окраине капиталистического мира, в отсталых, колониальных или полуколониальных странах. Благодаря сочетанию интенсивной эксплуатации, национального угнетения и крестьянских движений эти страны были самым слабым звеном, где цепь мировой системы могла быть разорвана силой. Социальные движения в слаборазвитых странах не могли привести к немедленному установлению социализма, но они были естественными союзниками пролетариата в передовых странах и могли создать переходные социальные формы, в которых достижение буржуазно-демократических целей совпадало бы с постепенным и мирным развитием на пути к социализму, основанном на объединении сил рабочих и крестьян.

Однако к 1916 году Ленин продвинул этот аргумент еще на один этап. В «Подведении итогов дискуссии о самоопределении» он писал:

«Ибо думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т.п. гнета, — думать так значит *отрекаться от социальной революции*... Кто ждет “чистой” социальной революции, тот никогда ее не дождется... Социалистическая революция в Европе не может быть ничем иным, как взрывом

массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но объективно они будут нападать на капитал» (*Works*, vol. 22, pp. 355–6).

Неясно, осознавал ли Ленин последствия следования этой теории или то, насколько она расходилась с марксистской традицией. Во всяком случае, утверждалось, что социалистическое восстание может иметь место только тогда, когда имеются многочисленные неудовлетворенные требования и чаяния такого рода, которые марксисты относят к «буржуазной» фазе развития, т.е. в первую очередь к крестьянству и угнетенным национальностям. Это означает, что по мере приближения капитализма к ситуации, предвиденной Марксом, в которой общество состоит только из буржуазии и пролетариата, социалистическая революция становится все менее и менее вероятной. Заявление Ленина о том, что неудовлетворенные крестьянские и национальные требования и наличие «пережитков феодализма» могут помочь пролетариату, подкрепляя его энергией «непролетарских» требований, конечно, не противоречило стратегии Маркса и Энгельса, которые занимали аналогичную позицию в различных ситуациях, например, надеясь на пролетарскую революцию в Германии в 1848 году или русскую революцию в семидесятых годах, или когда полагали, что ирландский вопрос укрепит позиции британского рабочего класса. Маркс и Энгельс, правда, не выдвинули никакой точной теории относительно того, как будут действовать такие союзы, и не было ясно, как их надежды должны были быть теоретически согласованы с общей теорией социалистической революции. Но утверждение о том, что пролетарская революция вообще не может произойти без опоры на «пережитки феодализма», было новшеством в марксизме и полным отходом от традиционной теории.

Ленин, несомненно, был прав, когда обвинял лидеров Второго интернационала в революционности на словах и реформизме на деле. Он один серьезно думал о захвате власти, и, более того, он не думал ни о чем другом. Его позиция была ясна: власть должна быть захвачена везде, где это политически возможно. Он не занимался теоретическими расчетами относительно того, созрели ли производительные силы до уровня социалистического восстания; все его расчеты касались ситуации с властью. Его самого по праву можно было бы обвинить в том, что он детерминист на словах и сторонник реальной политики в действии. Иногда, хотя и не часто, он повторял детерминистский катехизис: «Все, что происходит в истории, происходит по необходимости. Это элементарно» (*Works*, vol. 21, p. 120). Но этот детерминизм служил только для того, чтобы убедить себя и других в том, что коммунистическое дело исторически должно было восторжествовать; он не применялся к каким-либо конкретным политическим действиям. Он даже отбросил идею, которая считалась одним из зачатков марксизма, о том, что все страны должны пройти капиталистическую стадию развития. На Втором конгрессе Коминтерна 26 июля 1920 года он заявил²², что отсталые народы могут миновать капиталистическую «фазу» и перейти в передовых странах с помощью пролетариата непосредственно к социализму и советской власти. (Без этого, действительно, было бы трудно оправдать осуществление советской власти над десятками первобытных племен и малых народов, входивших в состав Российской империи.)

Ленина, таким образом, интересовала не «экономическая зрелость», а только наличие революционной ситуации. В статье 1915 года о «Крахе Второго интернационала» он определил основные черты такой ситуации следующим образом: (1) обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. Народного недовольства недостаточно, также должен произойти распад государственного аппарата. (2) «Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»,

и (3) «В результате вышеуказанных причин наблюдается значительный рост активности масс, привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими “верхами”, к самостоятельному историческому выступлению». Но «не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство...» (*Works*, vol. 21, pp. 213–14).

Легко заметить, что условия, предписанные Лениным, с наибольшей вероятностью возникнут во время войны и, в частности, в ситуации военного поражения. Отсюда его гнев по поводу предположений о том, что капитализм мог бы избежать войн и, таким образом, исключить, по всей вероятности, возможность возникновения революционной ситуации.

Отсюда же происходит и его желание, чтобы революционеры стремились к собственному поражению своей страны в империалистической войне и тем самым превратили ее в гражданскую.

Тот факт, что Ленин был полностью поглощен вопросом политической власти, означал, что он был единственным социал-демократическим лидером, который был полностью свободен от каких-либо признаков того, что он называл «буржуазным пацифизмом» — надежды на устранение войн без революционной отмены капитализма и попытки в том случае, когда война уже разразилась, положить ей конец методами международного права. Симптомом буржуазного пацифизма является также использование понятия агрессии, независимо от классового характера войны. Войну следует рассматривать с точки зрения классов, а не государств — это не столкновение двух государственных организмов, а продукт классовых интересов. Ленин часто цитировал замечание Клаузевица²³ о том, что «война — это просто продолжение политики другими средствами», и из-за этого изречения

прусскому генералу наполеоновских времен приписывалась формулировка «основного тезиса диалектики применительно к войнам» (*ibid.*, p. 219). Война была проявлением конфликта из-за классовых интересов, и различие между военными и мирными средствами разрешения этих конфликтов было чисто техническим и не имело политического значения; война была «просто» способом достижения целей, которые в другое время могли быть достигнуты без нее, и не имела особого морального или политического качества, независимого от классовых интересов. Не имело значения, кто был агрессором, на самом деле не было никакой разницы между наступательными и оборонительными войнами; все, что имело значение, — это классовые интересы, лежащие в основе военных операций. Высказывания Ленина на эту тему многочисленны и совершенно ясны, хотя и не часто цитируются его современными последователями. «Нелепо, с другой стороны, делить войны на оборонительные и наступательные» (речь 14 октября 1914 года; *Works*, vol. 36, p. 297); «...не оборонительный или наступательный характер войны, а интересы классовой борьбы пролетариата, или, лучше сказать, интересы международного движения пролетариата, представляют собой ту единственно возможную точку зрения, с которой возможно рассматривать и решать вопрос об отношении с.-д. к тому или другому явлению в международных отношениях» (*Works*, vol. 15, p. 199); «Как будто суть в том — кто напал первым, а не в том, каковы причины войны, цели, которые она себе ставит, и классы, которые ее ведут» (открытое письмо Борису Суварину, декабрь 1916 г.; *Works*, vol. 23, p. 198); «характер войны (реакционная она или революционная) зависит не от того, кто напал и на чьей стране стоит “враг”, а от того, какой класс ведет войну, какая политика продолжается данной войной» (Пролетарская революция и ренегат Каутский, 1918; *Works*, vol. 28, p. 286).

Таким образом, представляется, что «агрессия» не только является мошеннической буржуазной концепцией, служащей для сокрытия классового характера войн, но и что

рабочий класс, организованный в своем собственном государстве, имеет полное право вести войну с капиталистическим государством, поскольку по определению он представляет интересы угнетенных и имеет справедливость на своей стороне. Ленин не отступает от этого вывода. «Например, если социализм победит в Америке или в Европе в 1920 году, а Япония с Китаем, допустим, двинут тогда против нас — сначала хотя бы дипломатически — своих Бисмарков, мы будем за наступательную, революционную войну с ними» (Крах Второго интернационала; *Works*, vol. 21, p. 221). В речи, произнесенной в декабре 1920 года, Ленин заявил, что война между США и Японией должна скоро разразиться, и что, хотя советское государство не может «поддерживать» ни тех, ни других, оно должно «стравливать» одних и других, используя войну в своих собственных интересах (*Works*, vol. 31, p. 443). На Седьмом съезде партии в марте 1918 года он предложил резолюцию о том, что «съезд дает полномочия ЦК партии как разрывать все мирные договоры, так и объявить войну любой империалистической державе и всему миру, когда ЦК партии признает для этого момент подходящим» (*Works*, vol. 27, p. 120). Это утверждение, правда, было рождено в атмосфере Брест-Литовска, но оно носит общий характер и полностью соответствует ленинской доктрине. Поскольку пролетарское государство по определению находится в правильном положении по отношению к капиталистическим государствам, и поскольку вопрос об агрессии не имеет значения при оценке войны, очевидно, что первое государство имеет право и обязанность нападать на второе во имя мировой революции всякий раз, когда это представляется возможным, — тем более что мирное сосуществование между капитализмом и социализмом было, по мнению Ленина, невозможно. В уже цитированной речи от 6 декабря 1920 года, он заявлял: «Мы сейчас перешли от войны к миру, но мы не забыли, что вернется опять война. До тех пор, пока капитализм и социализм живут бок о бок, они мирно жить не могут» (*Works*, vol. 31, p. 457).

Таковы были простые идеологические основы внешней политики социалистического государства. Новое государство по определению представляло собой ведущую силу в истории; нападая или защищаясь, оно действовало во имя прогресса. Международное право, арбитраж, переговоры о разоружении, «запрещение» войны — все это было обманом, пока существовал капитализм, и впоследствии в них не будет необходимости, поскольку войны будут столь же невозможны при социализме, сколь они неизбежны при капитализме.

6. Социализм и диктатура пролетариата

Хотя вся деятельность Ленина была подчинена борьбе за «конечную цель», то есть построение социалистического общества, до войны он не ставил перед собой задачу определить, каким будет это общество. Его труды содержат разрозненные ссылки на уже знакомые социалистические идеи, такие как коллективизация собственности, отмена наемного труда и товарного хозяйства и т. д., но он не рассматривает эти вопросы детально. Однако до революции он объяснял, что он подразумевал под «диктатурой пролетариата», и термины, в которых он это выразил, оставались неизменными на протяжении всей его политической карьеры. В работе «Победа кадетов и задачах рабочей партии» (1906) он несколько раз подчеркнул: «Диктатура означает неограниченную власть, основанную на силе, а не на законе» (*Works*, vol. 10, p. 216). «Власть — неограниченная, вне закона и основанная на силе в самом прямом смысле этого слова — это диктатура» (*ibid.*, p. 244). «Научный термин «диктатура» означает не что иное, как власть, не ограниченную никакими законами, абсолютно не ограниченную никакими правилами и основанную непосредственно на насилии. Термин «диктатура» не имеет другого значения, кроме этого — запомните это хорошенько, господа кадеты» (*ibid.*, p. 246).

Ленин повторил вышеприведенные заявления в 1920 году, тем самым дав понять, что его взгляды не изменились. Диктатура была «формой принуждения», а диктатура про-

летариата была применением силы пролетариатом против свергнутой им буржуазии. О том, как будет организована эта сила, Ленин дал ответы в своей брошюре «Государство и революция», направленной против лидеров Второго интернационала. Накануне создания Коммунистического интернационала (о котором он задумался ещё в 1915 году) и в надежде, что революция вскоре разразится по всей Европе, Ленин счел необходимым еще раз изложить марксистскую теорию государства и описать изменения, которые социализм внесет в деятельность государственных институтов.

Согласно Марксу и Энгельсу, указывает Ленин, государство является результатом непримиримых классовых противоречий, но не в том смысле, что оно улаживает разногласия или выступает в роли третейского судьи; напротив, государство как таковое до сих пор всегда было инструментом, посредством которого имущие классы подавляли угнетенные классы. Государственные институты не могут соблюдать нейтралитет в классовом конфликте, они являются лишь правомерным выражением экономического угнетения одного класса другим. Поскольку вся функция буржуазного государства состоит в том, чтобы сохранить эксплуатацию рабочего класса, институты и органы этого государства не могут быть использованы для освобождения рабочих. Избирательное право в данных государствах не является средством снятия социальной напряженности, ещё меньше, средством обретения угнетенным классом власти: это всего лишь способ поддержания власти буржуазии. Пролетариат не может освободиться иначе, как разрушив государственный аппарат; это главная задача революции, и в соответствии с марксистской теорией ее следует четко отличать от «отмирания» государства. Буржуазное государство должно быть уничтожено здесь и сейчас; «отмирание» относится к пролетарскому государству после революции, то есть в будущем, когда будет покончено со всякой политической властью.

Ленин ссылается, в частности, на статью Маркса о «Парижской коммуне» и его «Критику Готской программы», а также на эссе и письма Энгельса. Реформизм в социали-

стическом движении и идея использования буржуазного государства в интересах пролетариата, заявляет он, противоречат основам марксизма: это лжеучение или происки оппортунистов, отвергающих идею революции. Пролетариату необходимо государство (здесь пути с анархистами расходятся), но это должно быть государство, которое имеет тенденцию отмирать и разрушаться. Для того, чтобы преодолеть сопротивление свергнутых эксплуататоров в переходный период, продолжительность которого невозможно предвидеть, необходима диктатура пролетариата, которая, в отличие от всех предыдущих форм государства, будет диктатурой подавляющего большинства общества над остатками имущих классов. В течение этого периода свобода капиталистов должна быть ограничена, в то время как «чистая», или же «совершенная» демократия будет возможна только тогда, когда с классовым обществом будет покончено полностью. Во время переходного периода государство сможет функционировать без затруднений, поскольку «большинству» не составит труда подавить «меньшинство» и ему не понадобится специальная полицейская машина.

Опыт «Парижской коммуны» наглядно показывает главные черты коммунистического государственного строя. В таком государстве постоянная армия будет расформирована, вместо нее граждане будут призываться на службу; все государственные чиновники будут избираться и увольняться рабочими; полиция как таковая не понадобится, поскольку ее функции, как и функции армии, будет выполнять все население, которое в состоянии носить оружие. Кроме того, организационные функции деятельности государственных органов станут настолько простыми, что их сможет выполнять любой, кто умеет читать и писать. Для управления обществом в целом не потребуется никаких особых навыков, и, следовательно, не будет отдельного класса чиновников; управление и бухгалтерский учет будут выполняться всеми гражданами поочередно за плату, равную заработной плате работников физического труда (Ленин делает на этом особый акцент). Таким образом, каждый будет в равной степени слу-

жащим государства, получающим равную плату и одинаково обязанным работать. Они будут попеременно работниками физического труда и чиновниками, так что никто не станет бюрократом. Учитывая простоту управления, равенство в оплате труда, а также избирательность и сменяемость государственных служащих, не будет риска образования паразитической касты бюрократов, отчужденных и далеких от общества. Сначала будет необходимо политическое принуждение, но по мере отмирания государства его функции постепенно утратят свой политический характер и станут чисто административными. Приказы больше не будут отдаваться сверху; необходимое централизованное планирование будет сочетаться с широкой территориальной автономией. В «Материалах к пересмотру партийной программы», написанных в апреле-мае 1917 года, Ленин говорил о передаче дела народного образования в руки демократических органов местного самоуправления; отстранении центральной власти от всякого вмешательства в формирование школьных программ и в подбор учительского персонала; выборность учителей непосредственно самим населением и право населения отзываться нежелательных учителей и т.д. (*Works*, vol. 24, p. 473).

Конечная цель — полная отмена государственного контроля и всех ограничений; это станет возможным по мере того, как люди привыкнут к принципам общественного сосуществования и солидарности. Преступления и нарушения общественного порядка являются результатом продолжительной эксплуатации и нищеты. Поэтому их исчезновение при социализме остаётся вопросом времени — этого убеждения Ленина придерживался почти каждый социалист.

Утопия Ленина, описанная в этих терминах, в разгар Первой мировой войны, вполне может показаться поразительно наивной тем, кто знакомится с ней спустя пятьдесят лет существования советской власти; она имела примерно такое же отношение к государству, которое вскоре должно было появиться, как фантазии Томаса Мора об Англии эпохи Генриха VIII. Но бесполезно указывать на гротескные

расхождения между планами и их «выполнением» полвека спустя. «Утопия» Ленина, в целом, соответствует учению Маркса, но по сравнению с более ранними работами самого Ленина, не говоря уже о более поздних, она представляет одно поразительное отличие, а именно, — отсутствие партий

Нет оснований сомневаться в том, что Ленин написал эту утопию из лучших соображений; следует напомнить, что тогда он ошибочно полагал, что вот-вот произойдет мировая революция. Но он, по-видимому, не понимал, что нарисованная им картина явно противоречит его собственной доктрине революции и партии. «Диктатура большинства» должна была осуществляться через политическую организацию, проникнутую научным пониманием истории; эта квалификация, которая пересекается с идеей «переходного пролетарского государства», вообще не упоминается в «Государстве и революции». Во время написания книги Ленин, очевидно, предполагал, что весь народ, вооруженный и освобожденный, будет непосредственно выполнять все функции администрации, хозяйственного управления, полиции, армии, судебной власти и т. д. Он также полагал, что ограничения будут применяться только к бывшим привилегированным классам, в то время как рабочие и трудящиеся крестьяне будут совершенно свободны регулировать свою жизнь по своему усмотрению.

Однако характер системы, сложившейся после революции, не был просто результатом исторических событий и случайностей, связанных с гражданской войной и замедлением революционного движения за рубежом. Система, со всеми ее деспотическими и тоталитарными чертами, была предопределена в целом большевистской доктриной, как и была задумана Лениным и непрерывно корректировалась на протяжении многих лет. Хотя, конечно же, её последствия были не полностью осознаны и спрогнозированы.

Главный, неизменный принцип, положенный Лениным в основу, начиная с 1903 года, заключался в том, что такие понятия, как свобода и политическое равенство, не являются внутренними ценностями, а лишь инструментами классовой

борьбы, и было глупо отстаивать их, не учитывая, каким классовым интересам они служат. «На практике пролетариат может сохранить свою самостоятельность, лишь подчиняя свою борьбу за все демократические требования, не исключая и республики, своей революционной борьбе за свержение буржуазии». («Социалистическая революция и право наций на самоопределение», апрель 1916 г.; *Works*, vol. 22, p. 149). При буржуазном строе различие между деспотизмом и демократией было существенным лишь постольку, поскольку последняя способствовала борьбе рабочего класса; это было второстепенное различие, только формальное. «А всеобщее избирательное право, Учредительное Собрание, парламент — это только форма, своего рода вексель, который нисколько не меняет дела по существу» («О государстве», лекция, прочитанная 11 июля 1919 года; *Works*, vol. 29, p. 485). Это справедливо и в отношении постреволюционного государства. Поскольку пролетариат находится у власти, само по себе не имеет значения никакое соображение, кроме сохранения этой власти; все организационные вопросы подчинены сохранению диктатуры пролетариата.

Диктатура пролетариата упразднит — навсегда, а не временно — парламентскую систему и объединит законодательную власть с исполнительной. В этом должно быть главное отличие советской республики от парламентского режима. На Седьмом съезде Российской коммунистической партии (большевиков) в марте 1918 года Ленин представил проект программы, воплощающий этот принцип: «Уничтожение парламентаризма (как отделение законодательной работы от исполнительной); соединение законодательной и исполнительной государственной работы. Слияние управления с законодательством» (*Works*, vol. 27, p. 154). Другими словами, правители определяют законы, по которым они правят, и никем не контролируются. Но кто такие правители? В том же проекте Ленин подчеркивает, что свобода и демократия предназначены не для всех, а для трудящихся и эксплуатируемых масс, ради их освобождения. В начале революции Ленин надеялся на поддержку не только пролетариата,

но и трудящихся крестьян в противовес кулакам; но вскоре стало ясно, что, хотя все крестьяне поддержали Революцию против крупных землевладельцев, они были гораздо менее воодушевлены следующим этапом. Партия с самого начала возлагала надежды на разжигание классовой борьбы в сельской местности и пыталась поднять бедных крестьян и батраков против более богатых крестьян, в частности, с помощью «комитетов бедноты», называемых в народе «Комбеды»²⁴. Результаты были скудными, и было ясно, что общие интересы крестьян как класса в целом были сильнее, чем конфликт между бедными крестьянами и кулаками. Ленин вскоре начал выступать за «нейтрализацию» крестьянства в целом, и на Десятой партийной конференции в мае 1921 года, накануне НЭПа, он заявил: «Мы открыто, честно, без всякого обмана крестьянам заявляем: для того чтобы удержать путь к социализму, мы вам, товарищи крестьяне, сделаем целый ряд уступок, но только в таких-то пределах и в такой-то мере и, конечно, сами будем судить — какая это мера и какие пределы» (*Works*, vol. 32, p. 419).

Первый «переходный» лозунг, лозунг диктатуры пролетариата и нуждающихся крестьян был всего лишь заблуждением, пропагандистским приемом. В свое время, партия открыто признала, что крестьянство не имело права голоса в решении вопросов, которые касались его больше всего. Ведь несмотря на все обещания, они были подвержены диктатуре в самой сильной степени. Как показали ноябрьские выборы, если бы крестьяне имели долю власти, страной управляли бы эсеры, а большевистское меньшинство находилось бы в оппозиции.

Таким образом, пролетариат ни с кем не делил свою диктатуру. Что касается вопроса о «большинстве», то это никогда особенно не беспокоило Ленина. В статье «Конституционные иллюзии» (август 1917 года; *Works*, vol. 25, p. 201) он писал: «...В революционное время недостаточно выявить “волю большинства”, — нет, надо оказаться сильнее в решающий момент в решающем месте, надо победить. Мы видели бесчисленные примеры тому, как более организованное, более

сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывало свою волю большинству, побеждало его...»

Однако с самого начала было ясно, что пролетарское меньшинство должно осуществлять власть не так, как описано в «Государстве и революции», а в соответствии с принципом, согласно которому пролетариат «представлен» партией. Ленин не постеснялся употребить выражение «диктатура партии» — это было в то время, когда партии все еще приходилось отвечать своим критикам и иногда ее загоняли в угол откровенностью. В речи 31 июля 1919 года он заявил: «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают, как вы слышали, единый социалистический фронт, мы говорим: “Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата”» (*Works*, vol. 29, p. 535). В документе о профсоюзах в январе 1922 года, упомянув о «противоречиях», возникающих из-за отсталости масс, он заявил: «Указанные противоречия неизбежно будут порождать конфликты, несогласованность, трения и т.п. Необходима высшая инстанция, достаточно авторитетная, чтобы разрешать их немедленно. Такой инстанцией является компартия и международное объединение компартий всех стран, Коминтерн — Коммунистический интернационал» (*Works*, vol. 33, p. 193).

С теоретической точки зрения этот вопрос был прояснен знаменитой брошюрой Ленина «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» (1920), из которой явствовало, что никакой проблемы вообще не было: «Простая постановка вопроса — “диктатура партии или диктатура класса; диктатура (партии) лидеров или диктатура (партии) масс?” — свидетельствует о самом невероятном и безнадежно запутанном мышлении... Общеизвестно, что массы делятся на классы... что, как правило, и в большинстве случаев — по крайней мере, в современных цивилизованных странах — классы возглавляются политическими партиями; что политические партии, как правило, управляются более или менее стабиль-

ными группами, состоящими из наиболее авторитетных, влиятельных и опытных членов, которые избираются на наиболее ответственные должности и называются лидерами. Все это элементарно. Все это понятно и просто. Зачем заменять это какой-то ерундой, какой-то новой тарабарщиной? Русский большевик... не может не воспринимать все эти разговоры о «сверху» или «снизу», о диктатуре лидеров или диктатуре масс и т. д. как нелепую и детскую чепуху, что-то вроде обсуждения того, левая нога или правая рука человека более для него полезны» (*Works*, vol. 31, pp. 41, 49).

Таким образом, выводя решение данного вопроса за пределы «предмета спора», Ленин подразумевал, что не существует никаких проблем в отношениях между классом и партией или партией и ее лидерами, что правление горстки олигархов будет корректно называть правительством класса, который они представляют, хотя у этого класса нет никаких институциональных возможностей заявлять — желает ли он видеть их в качестве своих представителей. Аргумент Ленина настолько груб, что трудно поверить, что он принимал его всерьез (в приведенном выше отрывке он отвечал немецким спартаковцам, которые критиковали его в том же духе, что и Роза Люксембург); однако он достаточно хорошо согласуется с его общим стилем мышления. Поскольку «на самом деле» не существует ничего, кроме классовых интересов, любая предполагаемая проблема, касающаяся независимых интересов правящей группы или аппарата, является ложной проблемой: аппараты «представляют» классы, это «элементарно», а все остальное — «детский лепет».

Ленин был вполне последователен в таких вопросах. Согласно «Государству и революции», только невежда или хитроумный буржуа мог предположить, что рабочие способны непосредственно и коллективно управлять промышленностью, государством и администрацией. Два года спустя выяснилось, что только невежда или хитроумный буржуа мог предположить, что рабочие способны на это. Очевидно, что промышленность требует отдельных управленцев, и абсурдно говорить о «коллегияльности». «Сплошь и рядом рассуж-

дение о коллегиальности проникнуто духом элементарного невежества, духом неприятия специалистов... Все эти крики о назначенцах, весь этот старый, вредный хлам, который находит место в разных резолюциях, разговорах, должен быть выметен. Иначе мы победить не можем. Если мы этот урок за два года не усвоили, — мы отстали, а отставшие будут биты» (речь на Девятом съезде РКП(б), 29 марта 1920 года; *Works*, vol. 30, pp. 458–9). «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки... Мы знаем, как рабочие, связанные с крестьянами, поддаются на непролетарские лозунги. Много ли рабочих принимали участие в управлении? Несколько тысяч на всю Россию, и только. Если мы скажем, что не партия проводит кандидатуры и управляет, а сами профессиональные союзы, то это будет звучать очень демократично, на этом, может быть, можно словить несколько голосов, но ненадолго. Это погубит диктатуру пролетариата» (речь на съезде шахтеров, 23 января 1921 г.; *Works*, vol. 32, pp. 61–2). «Но поголовной организацией промышленных рабочих не осуществляется эта диктатура... партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата» (речь «О профсоюзах, нынешней ситуации и ошибках Троцкого», 30 декабря 1921 года; *ibid.*, p. 21).

Таким образом, благодаря своеобразной диалектике представляется, что пролетарское правительство является пагубным для диктатуры пролетариата — совершенно состоятельный вывод, учитывая ленинскую интерпретацию последнего термина. Также представляется, что «истинная» демократия означает упразднение всех институтов, которые до сих пор считались демократическими. В этом последнем пункте формулировки Ленина были не совсем последовательны: иногда он превозносил советскую власть как высшую форму демократии, поскольку она означала правление народа, в то время как в других случаях он клеймил демократию как буржуазное изобретение. Это привело к забавным противоречиям, как, например, в его речи на Третьем съезде Советов 25 января 1918 года: «Демократия есть одна из форм

буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма, оказавшиеся ныне во главе официального социализма и утверждающие, что демократия противоречит диктатуре пролетариата. Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя, — мы стояли за демократию, но, как только первые проблески социализма мы увидели во всем ходе революции, — мы стали на позиции, твердо и решительно отстаивающие диктатуру пролетариата» (*Works*, vol. 26, p. 473). Другими словами, предатели социализма утверждают, что демократия противоположна диктатуре, но мы отказались от демократии ради диктатуры, которая является ее противоположностью. Такие неловкости указывают на то, что Ленин осознал ежедневную эрозию тех немногих демократических институтов, которые еще оставались, но время от времени хотел использовать благозвучное название демократии.

Сразу после революции традиционные демократические свободы, которых настойчиво требовали большевики до прихода к власти, оказались оружием буржуазии. Труды Ленина неоднократно подтверждают это в том, что касается свободы печати. «Свобода печати» буржуазного общества состоит в свободе богатых систематически, неуклонно, ежедневно в миллионах экземпляров, обманывать, развращать, одурачивать эксплуатируемые и угнетенные массы народа, бедноту» («Как гарантировать успех Учредительного собрания», 28 сентября 1917 года; *Works*, vol. 25, p. 376). В противовес этому «свобода печати означает: все мнения *всех* граждан свободно можно публиковать» (*ibid.*, p. 377). Так было накануне Революции, но через несколько дней после нее все изменилось. «Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет, значит перестать быть социалистом» (речь в Центральном исполнительном комитете, 17 ноября 1917 г.; *Works*, vol. 26, p. 285). Ленин обещал — и сдержал свое слово относительно того, что «мы не можем себе позволить быть обманутыми такими высокопарно звучащими лозунгами как свобода, равенство и воля большинства» (*Works*, vol. 29,

р. 351). «В настоящий момент, когда дошло дело до свержения власти капитала во всем мире, или хотя бы в одной стране...все, кто в такой политической ситуации говорят о “свободе” вообще, кто во имя этой свободы идет против диктатуры пролетариата, — тот помогает эксплуататорам и ничего больше, он их сторонник, потому что свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман...» (речь 19 мая 1919 года; *Works*, vol. 29, p. 352). Наиболее четко и лаконично эта мысль была сформулирована на Третьем конгрессе Коминтерна: «Пока нет общего окончательного результата, будет продолжаться состояние ужасной войны. И мы говорим: “à la guerre comme à la guerre”²⁵; мы не обещаем никакой свободы и никакой демократии» (5 июля 1921 года; *Works*, vol. 32, p. 495). Весь вопрос о представительных институтах, гражданских правах, правах меньшинств (или большинства), контроле над правительством, конституционных проблемах в целом — все это заглушается максимой *à la guerre comme à la guerre*, и война должна продолжаться до тех пор, пока коммунизм не восторжествует во всем мире. В частности, и в этом суть дела, вся идея права как системы социального посредничества перестает существовать. Поскольку закон — это «не что иное, как» инструмент, посредством которого один класс угнетает другой, очевидно, что нет существенной разницы между верховенством закона и правлением путем прямого принуждения; все, что имеет значение, — это то, какой класс одерживает верх. В письме Д. И. Курскому в мае 1922 года Ленин писал: «Суд должен не устранить террор... а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас». В сопроводительном проекте поправки к Уголовному кодексу он предложил формулировку: «Пропаганда или агитация, которая объективно служит [вариант: служит или, вероятно, будет служить] интересам той части международной буржуазии, которая отказывается признавать права коммунистической системы собственности, которая заменяет капитализм, и стремится свергнуть эту систему насильем, либо посредством иностранной интервенции или блокады,

либо путем шпионажа, финансирование прессы и аналогичные средства являются преступлением, наказуемым смертной казнью, которая, если будут доказаны смягчающие обстоятельства, может быть заменена лишением свободы или депортацией» (ср. из России: высылкой за границу) (*Works*, vol. 33, pp. 358–9). На Одиннадцатом съезде РКП(б) Ленин заявил, что меньшевики и эсеры, которые утверждали, что НЭП является отступлением к капитализму и что это доказывает буржуазный характер революции, будут расстреляны за такие заявления (*ibid.*, pp. 282–3).

Таким образом, Ленин заложил основы законодательства, которое отличает тоталитарную систему от деспотической, причем реальным фактом является не то, что оно является суровым, а то, что оно насквозь фальшиво. Закон может предусматривать драконовские наказания за мелкие правонарушения, не будучи специально тоталитарным; характерной чертой тоталитарного права является использование таких формул, как ленинская: люди могут быть казнены за выражение взглядов, которые могут «объективно служить интересам буржуазии». Это означает, что правительство может казнить любого; такой вещи, как закон, не существует; дело не в том, что уголовный кодекс суров, а в том, что он существует только формально.

Как уже упоминалось ранее, все это происходило во времена, когда партия еще не получила полный контроль над ситуацией и иногда ей приходилось отвечать на критику. Парадоксально, но резкие и однозначные формулировки, в которых Ленин призывал к применению террора и отрицал возможность демократии и свободы, свидетельствовали о том, что свобода еще не была полностью искоренена. В сталинскую эпоху, когда не было никакой критики извне, с которой можно было бы бороться, язык террора был заменен языком демократии: особенно в последние годы Сталина советская система была представлена как высшее воплощение народного правления и всех видов демократической свободы. Однако во времена Ленина лидерам приходилось отвечать социалистическим критикам как в России, так и в остальной

Европе, которые решительно протестовали против идеи о том, что диктатура пролетариата влечет за собой разрушение демократии. Нападки Каутского на советскую систему в его книге «Диктатуре пролетариата» (1918) вызвали яростный ответ Ленина: в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918) он повторил свою атаку на невежд, которые говорили о демократии независимо от ее классового содержания, умышленно скрывая тот факт, что буржуазная демократия была для буржуазии, а пролетарская демократия для пролетариата. Каутский утверждал, что, когда Маркс говорил о «диктатуре пролетариата», он имел в виду классовое содержание режима, а не методы его правления; демократические институты, по мнению Каутского, были не только совместимы с пролетарским правлением, но и являлись его условием. Для Ленина все это было чепухой. Поскольку правит пролетариат, он должен править силой, а диктатура — это управление посредством силы, а не закона.

7. Троцкий о диктатуре

На следующий памфлет Каутского «Терроризм и коммунизм» Троцкий ответил в работе с тем же названием: английский перевод появился в 1921 году и имел название «Защита терроризма». Эта разоблачительная работа в некотором смысле даже более выразительна, чем высказывания Ленина. Троцкий, который в 1903 году предвидел, что ленинская теория партии приведет к тирании одного человека, к 1920 году стал законченным адептом этой теории. Его памфлет, написанный в период его пребывания во власти, примечателен тем, что содержит наиболее общее изложение теории государства при пролетарской диктатуре, а также наиболее подробное описание того, что стало называться тоталитарной системой. Правда, памфлет был создан во время гражданской войны и войны с Польшей (по поводу которой Троцкий с поразительной наивностью говорит: «Мы надеемся на победу, ибо у нас есть на это все исторические права»), но она явно претендует на то, чтобы быть работой по общей

теории; многочисленные цитаты из предыдущих выступлений Троцкого показывают, что он не просто преувеличивает свой тезис в пылу момента. Он излагает общие принципы диктатуры пролетариата так же, как Ленин. Буржуазная демократия — это обман; серьезные вопросы в классовой войне решаются не голосованием, а силой; во время революции правильный курс — бороться за власть, а не глупо ожидать «большинства»; отвергать террор — значит отвергать социализм (тот, кто желает цели, должен желать средств); парламентские системы были пригодны для своего времени — они в основном отражали интересы промежуточных классов, в то время как в революционную эпоху принимаются во внимание только пролетариат и буржуазия; разговоры о «равенстве перед законом», гражданских правах и т. д. в настоящее время являются не чем иным, как метафизической болтовней; правильным было разогнать Учредительное собрание хотя бы потому, что избирательная система была застигнута врасплох быстрым ходом событий, и собрание не представляло волю народа; было правильно расстреливать в заложников (*à la guerre comme à la guerre*); свобода печати не может быть разрешена, поскольку она помогала классовому врагу и его союзникам, меньшевикам и эсерам; бесполезно говорить об «истине» и о том, кто был прав — это были не академические дебаты, а борьба не на жизнь, а на смерть, права личности были неуместной чепухой, и «что касается нас, мы никогда не интересовались кантовско-священнической и вегетарианско-квакерской болтовней о “святости человеческой жизни”» (*The Defence of Terrorism*, p. 60). Парижская коммуна потерпела поражение из-за сентиментальных и гуманитарных сомнений; при диктатуре пролетариата партия должна быть высшей апелляционной инстанцией и иметь последнее слово во всех важных вопросах; «революционное превосходство пролетариата предполагает внутри самого пролетариата политическое превосходство партии с четкой программой действий и безупречной внутренней дисциплиной» (*ibid.*, p. 100); «диктатура Советов стала возможной только благодаря диктатуре партии» (p. 100).

Троцкий, однако, отвечает на вопросы, от которых Ленин уклонился или проигнорировал. «Где ваша гарантия, спрашивают нас некоторые мудрецы, что именно ваша партия выражает интересы исторического развития? Уничтожив или загнав в подполье другие партии, вы тем самым предотвратили их политическую конкуренцию с вами, и, следовательно, вы лишили себя возможности проверить свою линию действий». Троцкий отвечает: «Эта идея продиктована чисто либеральной концепцией хода революции. В период, когда все противоречия принимают открытый характер, а политическая борьба быстро переходит в гражданскую войну, у правящей партии есть достаточный материальный стандарт, с помощью которого она может проверить свою линию действий без возможного распространения меньшевистских газет. Носке сокрушает коммунистов, но они растут. Мы подавили меньшевиков и эсеров — и они исчезли. Этого критерия для нас достаточно» (р. 101).

Это одна из наиболее поучительных теоретических формулировок большевизма, из которой следует, что о «правильности» исторического движения или государства следует судить по тому, успешно ли оно применяет насилие. Носке не удалось сокрушить немецких коммунистов, но Гитлеру это удалось; таким образом, из правила Троцкого следует, что Гитлер «выражал интересы исторического развития». Сталин ликвидировал троцкистов в России, и они исчезли — так что очевидно, что Сталин, а не Троцкий, стоял на стороне исторического прогресса.

Из принципа управления авангардом следовало, конечно, что «постоянная “независимость” профсоюзного движения в период пролетарской революции так же невозможна, как и политика коалиции. Профсоюзы становятся наиважнейшими экономическими органами пролетариата, находящегося у власти. Тем самым они попадают под руководство Коммунистической партии. Не только принципиальные вопросы в профсоюзном движении, но и серьезные организационные конфликты внутри него решаются Центральным комитетом нашей партии... [Профсоюзы] являются произ-

водственными органами Советского государства и берут на себя ответственность за его судьбу — не противопоставляя себя ему, а отождествляя себя с ним. Профсоюзы становятся организаторами трудовой дисциплины. Они требуют от рабочих интенсивного труда в самых сложных условиях» («*The Defence of Terrorism*», p. 102).

Государство, конечно, организовано в интересах трудящихся масс; «однако это не исключает элемента принуждения во всех его формах, как самых мягких, так и чрезвычайно суровых» (ibid., p. 122). В новом обществе принуждение не только не исчезнет, но и будет играть существенную роль: «Сам принцип обязательной трудовой повинности для коммуниста совершенно бесспорен... Единственное правильное решение экономических трудностей *как с принципиальной, так и с практической точки зрения* [курсив Колаковского] состоит в том, чтобы рассматривать население всей страны как резервуар необходимой рабочей силы... Сам принцип обязательной трудовой повинности так же *радикально и навсегда* [курсив Колаковского] заменил принцип бесплатного найма, как обобществление средств производства заменило капиталистическую собственность» (p. 124–7). Труд должен быть милитаризован: «Мы противопоставляем... капиталистическому рабству общественно регулируемый труд на основе экономического плана, обязательного для всего народа и, следовательно, обязательного для каждого работника в стране... Основой милитаризации труда являются те формы государственного принуждения, без которых замена капиталистической экономики социалистической навсегда останется пустым звуком... Ни одна общественная организация, кроме армии, не способна даже искать для себя оправдания для подчинения себе граждан в такой мере и всестороннего контролирования их воли в такой степени, в какой государство пролетарской диктатуры считает для себя правомерным то, что оно делает и продолжает делать» (p. 129–30). «У нас не может быть иного пути к социализму помимо властного регулирования экономических сил и ресурсов страны и централизованного распределения

рабочей силы в соответствии с общим государственным планом. Трудовое государство считает себя уполномоченным направлять каждого работника туда, где его труд необходим» (р. 131). «Молодое социалистическое государство нуждается в профсоюзах не для борьбы за улучшение условий труда — это задача социальной и государственной организации в целом, — а для организации рабочего класса в целях производства, для обучения, дисциплины, распределения, группового сплочения, удержания определенных категорий и определенных работников на своих должностях в течение установленных периодов» (р.132). В конечном итоге «путь к социализму лежит через период максимально возможного усиления принципа государства... Государство, прежде чем исчезнуть, принимает форму диктатуры пролетариата, то есть самой безжалостной формы государства, которая властно охватывает жизнь граждан во всех направлениях» (р. 157).

Действительно, было бы трудно яснее сформулировать этот вопрос. Государство пролетарской диктатуры изображено Троцким как огромный постоянный концентрационный лагерь, в котором правительство осуществляет абсолютную власть над всеми аспектами жизни граждан и, в частности, решает, сколько работы они должны выполнять, какого рода и в каких местах. Отдельные люди — это не что иное, как трудовые единицы. Принуждение универсально, и любая организация, не являющаяся частью государства, должна быть его врагом, следовательно, врагом пролетариата. Все это, конечно, делается во имя идеального царства свободы, наступление которого ожидается по прошествии неопределенного исторического времени. Троцкий, можно сказать, обеспечил совершенное выражение социалистических принципов, как их понимали большевики. Следует, однако, отметить, что нам не сказано четко, что, с марксистской точки зрения, должно заменить свободный наем рабочей силы, который, согласно Марксу, является признаком рабства, поскольку это означает, что человек должен продавать свою рабочую силу на рынке, т.е. относиться к себе как к товару

и считаться таковым в обществе. Если бесплатный наем будет отменен, единственными способами побудить людей работать и производить богатство будут физическое принуждение или моральная мотивация (энтузиазм к работе). Последнее, конечно, очень превозносили и Ленин, и Троцкий, но вскоре они обнаружили, что было бы химерично полагаться на него как на постоянный источник усилий. Остается только принуждение — не капиталистическое принуждение, основанное на необходимости зарабатывать на жизнь, а чистая физическая сила, страх тюремного заключения, физических увечий и смерти.

8. Ленин как идеолог тоталитаризма

Ленин, который в важных практических вопросах был гораздо меньшим доктринером, чем Троцкий, отступил от своих собственных принципов, по крайней мере, дважды. Во-первых, он признавал, что профсоюзы должны играть определенную роль не только в процессе осуществления планового производства, но и в защите рабочих от государства — хотя ранее, следуя истинно марксистской логике, он, как и Троцкий, утверждал, что это означает, что рабочий класс защищает себя от самого себя, что было абсурдом. Во-вторых, он считал, что государство страдает от «бюрократических издержек», хотя было неясно, как эта идея вписывалась в его образ мыслей: на первый взгляд, с точки зрения классовых интересов, капиталистическая бюрократия была инструментом угнетения, а социалистическая бюрократия — инструментом освобождения. Следует отдать должное его здравому смыслу, т.к. в обоих этих вопросах он смог поступиться догмой ради реального положения вещей, но, к сожалению, он прозрел слишком поздно, чтобы что-либо предпринять. В любом случае, одно слово в пользу независимости профсоюзов против десятка слов об опасности синдикализма, и у него не было лекарства от бюрократии, кроме еще большей бюрократии. Иллюзия о том, что сама партия может быть сосредото-

чием свободы слова и свободной критики, в то время как они в целом подавлялись в обществе, была обречена на провал. Сам Ленин, как мы видели, никогда не рассматривал существование группировок или споров внутри партии как здоровый признак. Еще в 1910 году, борясь с отзовистами и выступая против лозунга «полной свободы революционной и философской мысли», он писал: «Это — лозунг насквозь оппортунистический. Во всех странах подобный лозунг изнутри социалистических партий выдвигался только оппортунистами и не означал на деле ничего иного, кроме “свободы” разращения рабочего класса буржуазной идеологией. “Свободы мысли” (читай: свободы печати, слова, совести) мы требуем от государства (а не от партии) наравне с свободой союзов» (*Works*, vol. 16, p. 270). Это, конечно, относилось к буржуазному государству. Как только власть государства была отождествлена с властью партии, правила, применимые к свободе критики, очевидно, должны были стать одинаковыми для обоих. *Gleichschaltung*²⁶ партии, т. е. унификация господствующей идеологии, заняла больше времени, но была одинаково неизбежна: вопрос был в принципе решен на Десятом съезде в марте 1921 года²⁷, когда Ленин раскритиковал идею фракционности и «роскошь изучения разных мнений», а также заявил о том, что «И мы должны на съезде прямо сказать: споров об уклонах мы не допустим, мы должны поставить точку в этом отношении» (*Works*, vol. 32, pp. 177–8). В течение нескольких лет после смерти Ленина было невозможно полностью предотвратить открытое формирование групп и «платформ» внутри партии, или, скорее, партийного аппарата; но вскоре подлинные или мнимые «разногласия» были устранены карательной рукой государства, и идеал единства был достигнут полицейскими методами.

Однако если можно сказать, что ленинская доктрина и сопутствующий ей стиль мышления заложили основы тоталитарной системы, то случилось это не из-за принципов, применяемых для оправдания террора и подавления гражданских свобод. Как только начинается гражданская война,

с обеих сторон следует ожидать крайних террористических мер. Уничтожение гражданских свобод в целях поддержания и укрепления режима не равносильно тоталитаризму, если только оно не подкрепляется принципом, что любая деятельность — экономическая, культурная и т.д. — должна быть полностью подчинена целям государства; что не только действия против режима запрещены и безжалостно наказываются, но и никакие политические действия не являются «нейтральными», и отдельный гражданин не имеет права делать ничего, что не соответствует целям государства; что он является собственностью государства и рассматривается им как таковой. Советская система, которая переняла эти принципы у царской России и в значительной степени усовершенствовала их, в этом отношении также является результатом работы Ленина.

Ленин никогда не верил в беспристрастность или нейтралитет в какой-либо сфере жизни, включая философию. Любой, кто утверждал, что не принадлежит ни к какой партии, или объявлял себя нейтральным, является тайным врагом. Критикуя профсоюз железнодорожников вскоре после революции, 1 декабря 1917 года, Ленин обратился к Съезду Советов крестьянских депутатов: «Во время революционной борьбы, когда каждая минута на счету, когда инакомыслие и нейтралитет позволяют врагу сказать свое слово, когда он, безусловно, будет услышан, и когда не спешат помогать людям в их борьбе за свои священные права, я не могу называть такую позицию нейтралитетом; это не нейтралитет; революционер назвал бы это подстрекательством» (*Works*, vol. 26, pp. 329–330).

«Нейтралов» не существует ни в политике, ни где-либо еще. Каким бы вопросом ни занимался Ленин, все, что его интересовало, это то, было ли это хорошо или плохо для революции или, впоследствии, для советского правительства. Его четыре короткие статьи о Толстом, написанные в 1910–11 годах после смерти писателя, являются типичным тому примером. Центральной темой является существование «двух аспектов» в творчестве Толстого: первый реакционный

и утопический (нравственное совершенство, милосердие ко всем и непротивление злу), второй «прогрессивный» и критический (описание угнетения и нищеты крестьян, лицемерия высших классов и Церкви и т.д.). «Реакционный» аспект доктрины Толстого подчеркивался реакционерами, но «прогрессивный» аспект мог предоставить «полезный материал» для пробуждения масс, хотя политическая борьба уже была намного масштабнее, чем критика Толстого. Статья Ленина 1905 года «Партийная организация и партийная литература» десятилетиями использовалась и до сих пор используется для того, чтобы идеологически оправдать порабощение печатного слова в России. Утверждалось, что это относится только к политической литературе, но это не так: это относится ко всем видам литературы. В статье есть слова: «Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, “колесиком и винтиком” одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса» (*Works*, vol. 10, p. 45). «Истеричным интеллектуалам», которые осуждают это кажущееся бюрократическим отношением, Ленин объясняет, что в области литературы не может быть механического выравнивания; должно быть место для личной инициативы, воображения и т.д. Более того, литературная работа должна быть частью работы партии и контролироваться партией. Это, конечно, было написано во время борьбы за «буржуазную демократию», исходя из предположения, что в России в свое время появится свобода слова, но литераторы, являющиеся членами партии, должны будут проявлять партийность в своих произведениях; как и в других случаях, это обязательство станет всеобщим, когда партия будет контролировать аппарат государственного принуждения.

Часто цитируемая речь Ленина на съезде комсомола 2 октября 1920 года²⁸ затрагивает этические вопросы в аналогичном ключе. «Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетари-

ата... Коммунистическая нравственность это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации... Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем» (*Works*, vol. 31, pp. 291–4). Было бы трудно интерпретировать эти слова в каком-либо ином смысле, кроме того, что все, что служит или вредит целям партии, является морально хорошим или плохим соответственно, и ничто другое не является морально хорошим или плохим. После захвата власти сохранение и укрепление советской власти становится единственным критерием нравственности, а также всех культурных ценностей. Никакие критерии не могут противоречить действиям, способствующими сохранению власти, и никакие ценности не могут быть признаны на какой-либо другой основе. Таким образом, все культурные вопросы становятся техническими вопросами и должны оцениваться по единому неизменному стандарту; «благо общества» становится полностью отчужденным от блага его отдельных представителей. Буржуазным сентиментализмом, например, является осуждение агрессии и аннексии, если можно доказать, что они помогают поддерживать советскую власть; нелогично и лицемерно осуждать пытки, если они служат целям власти, которая, по определению, преданно стремится к «освобождению трудящихся масс». Утилитарная мораль и утилитарные суждения о социальных и культурных явлениях превращают изначальную основу социализма в его противоположность. Все явления, вызывающие моральное возмущение, если они происходят в буржуазном обществе, превращаются в золото, словно прикосновением Мидаса, если они служат интересам новой власти: вооруженное вторжение в иностранное государство — это освобождение, агрессия — защита, пытки представляют благородный гнев народа против эксплуататоров. В самых страшных репрессиях в самые тяжелые года сталинизма нет абсолютно ничего, что нельзя было бы оправдать ленинскими принципами, если только можно показать, что советская власть, таким образом, укреплялась. Существенная разница

между «эпохой Ленина» и «эпохой Сталина» заключается не в том, что при Ленине в партии и обществе была свобода и что при Сталине она была подавлена, а в том, что только во времена Сталина вся духовная жизнь народов Советского Союза была погружена во всеобщий поток лжи. Однако это было связано не только с личностью Сталина, но и, если можно так выразиться, с «естественным» развитием ситуации. Когда Ленин говорил о терроре, бюрократии или антибольшевистском восстании крестьян, он называл эти вещи своими именами. Как только установилась сталинская диктатура, у партии (хотя ее и критиковали враги) не было никаких ошибок, которые могли бы ее дискредитировать, советское государство было безупречным, а любовь народа к правительству была безграничной. Изменение было естественным в том смысле, что в государстве, где были уничтожены все остатки институционального контроля над правительством, единственным оправданием последнего было то, что в соответствии с predetermined принципом оно воплощало интересы и чаяния трудящихся: это можно назвать идеологической формой легитимности, отличной от обаяния, присущего наследственной монархии или законно избранному режиму. Всемогущество Лжи было вызвано не порочностью Сталина, а было единственным способом узаконить режим, основанный на ленинских принципах. Таким образом, лозунг, постоянно встречавшийся во время диктатуры Сталина: «Сталин — это Ленин наших дней», был совершенно точным.

9. Мартов о большевистской идеологии

Вместе с Каутским и Розой Люксембург Мартов был третьим известным критиком большевистской идеологии и тактики в первые годы после революции. Его «Мировой большевизм» (1923, на русском языке), сборник статей, написанных главным образом в 1918–1919 годах, является, вероятно, наиболее важным источником критики ленинизма с меньшевистских позиций, т. е. его точка зрения является со-

циал-демократической, подобно взглядам Каутского. Мартов утверждал, что приход к власти большевиков в России имел мало общего с пролетарской революцией в традиционном марксистском понимании. Успехи большевизма были обусловлены не зрелостью рабочего класса, а его распадом и деморализацией в результате войны. Довоенный рабочий класс, воспитанный в течение многих лет или десятилетий партиями на идеях социализма, деградировал в годы резни и изменился по своей сущности из-за того, что пополнялся за счет притока сельского населения, и этот процесс протекал во всех воюющих странах. Прежний авторитет идей нивелировался; грубые, простые максимы были в порядке вещей; действия были продиктованы прямыми материальными потребностями и верой в то, что все социальные вопросы можно решить силой оружия. Левые социалисты потерпели поражение в Циммервальде, пытаясь спасти то, что осталось от пролетарского движения. Тот факт, что марксизм распался во время войны на «социал-патриотизм», с одной стороны, и большевистский анархо-якобинизм, с другой, был лишь подтверждением марксистской теории о том, что сознание зависит от социальных условий. Правящие классы с помощью своих армий инициировали массовые разрушения, грабежи, принудительный труд и т. д. В разгар этого общего регресса на руинах социалистического движения возник мировой большевизм. Сравнивая обещания Ленина, данные в работе «Государство и революция», с постреволюционной реальностью, Мартов придерживается мнения, что истинный смысл большевизма заключается не в ограничении демократии: старая идея Плеханова о том, что революция должна на время лишить буржуазию избирательных прав, могла бы быть применена, если бы существовали другие формы институциональной демократии. Идеология большевизма основана на принципе истинности научного социализма и поэтому должна быть навязана массам, которые, обманутые буржуазией, не могут понять своих собственных интересов; для этого необходимо уничтожить парламент, свободную прессу и все представительные институты. Эта доктрина, по мнению

Мартова, перекликается с идеями утопического социализма: меры, аналогичные большевистским, фигурировали в программах бабувистов, Вейтлинга, Кабе или бланкистов. Однако они противоречат диалектическому материализму. Исходя из принципа духовной зависимости рабочего класса от общества, в котором он живет, утописты сделали вывод, что общество должно быть преобразовано горсткой заговорщиков или просвещенной элитой, а трудящиеся массы должны играть роль пассивного объекта. Но диалектический взгляд, выраженный, например, в третьем тезисе Маркса о Фейербахе, состоит в том, что существует постоянное взаимодействие между человеческим сознанием и материальными условиями, и что по мере того, как рабочий класс борется за изменение этих условий, он меняется сам и достигает духовного освобождения. Диктатура меньшинства не может воспитывать ни общество, ни самих диктаторов. Пролетариат может перенять достижения буржуазного общества только тогда, когда он станет способен проявлять инициативу как класс, а он не может этого сделать в условиях деспотизма, бюрократии и террора.

Большевики, продолжает Мартов, не вправе апеллировать к формулам Маркса о диктатуре пролетариата и разрушении прежней государственной машины. Маркс критиковал избирательный закон во имя всеобщего избирательного права и народного суверенитета, а не деспотизма одной партии. Он призывал к упразднению антидемократических институтов демократического государства — полиции, постоянной армии, централизованной бюрократии, — но не к упразднению демократии как таковой: диктатура пролетариата означала для него не форму правления, а особый тип общества. Ленинцы же провозглашают анархистский лозунг разрушения государственной машины и в то же время стремятся перестроить ее в максимально деспотической форме.

Спор между Лениным и Мартовым закончился там, где он начался в 1903 году. Когда Мартов говорил о правлении рабочего класса, он это и имел в виду, тогда как, по мнению Ленина, рабочий класс, предоставленный самому себе,

мог создать только буржуазную идеологию, и дать ему реальную власть означало бы восстановить капитализм. Ленин писал в августе 1921 года: «Под лозунгом “побольше доверия к силе рабочего класса” проводится сейчас на деле усиление меньшевистских и анархистских влияний: Кронштадт весной 1921 года со всей наглядностью доказал и показал это» (*Works*, vol. 33, p. 27). Мартов хотел, чтобы государство взяло на себя все демократические институты прошлого и расширило их рамки; государство Ленина было коммунистическим лишь постольку, поскольку коммунисты обладали в нем монополией на власть. Мартов верил в культурную преемственность. По мнению Ленина, единственная «культура», которую следовало перенять у буржуазии, состояла в технических и административных навыках. Однако Мартов ошибался, когда обвинял большевиков в том, что они посредством своей идеологии выражают стремление деморализованных народных масс к материальным благам. Это мнение сформировалось в результате массовых грабежей, которые ознаменовали первую фазу революции; но ни Ленин, ни какой-либо другой большевистский лидер не рассматривали грабеж как выражение коммунистической доктрины. Напротив, Ленин утверждал, что повышение производительности труда при социализме является признаком его превосходства, и на пути к социализму он полагался главным образом, если не полностью, на технический прогресс. Он писал, например, что, если бы были построены десятки региональных электростанций — что, однако, заняло бы не менее десяти лет — даже самые отсталые районы России перешли бы прямо к социализму без какого-либо промежуточного этапа (*Works*, vol. 32, p. 350). На самом деле именно большевики утверждали, что общие показатели объема производства являются основным доказательством успеха социализма; хотя, конечно, не так многословно, они возвеличили принцип производства ради него самого, независимо от того, улучшает ли это жизнь производителей, т.е. всего рабочего сообщества. Это был важный аспект, хотя и не единственный, культ государственной власти как высшей ценности.

10. Ленин как полемист. Гениальность Ленина

Большинство опубликованных работ Ленина являются критическими и полемическими по содержанию. Читателя неизменно поражает резкость и агрессивность его стиля, которые не свойственны работам других авторов о социализме. Его полемические выпады содержат оскорбительные высказывания и зубоскальство в адрес оппонентов (на самом деле у него вообще отсутствовало чувство юмора). Неважно, критикует ли он «экономистов», меньшевиков, кадетов, Каутского, Троцкого или «рабочую оппозицию»: если его оппонент не лакей буржуазии и помещиков, тогда он проститутка, клоун, лжец, мелкий мошенник и так далее. Этот стиль полемики должен был стать обязательным в советской литературе на злобу дня, хотя и в стереотипной, бюрократической форме, лишенной личностного начала. Если оппоненту Ленина случается сказать что-то, с чем он согласен, человек «вынужден признать», что бы это ни было; если во вражеском лагере вспыхивает спор, один из его членов «выболтал» правду о другом; если автор книги или статьи не упоминает что-то, что, по мнению Ленина, он должен был упомянуть, он «замял это». Его нынешний противник-социалист «не понимает азбуки марксизма»; если, однако, Ленин меняет свое мнение по рассматриваемому вопросу, то человеком, «не понимающим этой азбуки», становится тот, кто выражает мнение, которого ранее придерживался сам Ленин. Все постоянно подозреваются в наихудших намерениях; любой, кто не согласен с Лениным по самому пустяковому вопросу, — обманщик или в лучшем случае глупый ребенок.

Смысл такой манеры изложения состоял не в том, чтобы выразить какую-либо личную неприязнь, и тем более не в том, чтобы прийти к истине, а в том, чтобы достичь практической цели. Сам Ленин подтвердил это однажды («сболтнул», как он сказал бы о ком-либо другом) в 1907 году. Накануне воссоединения с меньшевиками Центральный

комитет привлек Ленина к партийному трибуналу за «недопустимые» нападки на них. В своем памфлете он написал среди прочего, что петербургские меньшевики «вступили в переговоры с кадетской партией с целью продажи кадетам голосов рабочих» и «заключили сделку с кадетами о том, чтобы протащить своего человека в Думу с их помощью, вопреки рабочим». Ленин объяснил свой поступок трибуналу следующим образом. «Формулировка [т.е. только что процитированная] рассчитана на то, чтобы вызвать у читателя ненависть, отвращение и презрение к людям, которые совершают такие поступки. Такая формулировка рассчитана не на то, чтобы убедить, а на то, чтобы расколоть ряды оппонентов; не для того, чтобы исправить ошибку противника, а для того, чтобы уничтожить его, стереть его организацию с лица земли. Эта формулировка действительно носит такой характер, что вызывает самые худшие мысли, самые худшие подозрения в отношении оппонента, и действительно, в отличие от формулировки, которая убеждает и исправляет, она «вносит путаницу в ряды пролетариата» (*Works*, vol. 12, pp. 424–5). Ленин, однако, не выражает раскаяния по этому поводу. По его мнению, правильнее разжигать ненависть вместо того, чтобы апеллировать к аргументам, если только противник не является членом той же партии. В то время, когда появились вызвавшие недовольство ремарки Ленина, большевики и меньшевики из-за раскола представляли собой две отдельные партии. Он упрекает Центральный комитет за «молчание о том факте, что в то время, когда была написана брошюра, единой партии не существовало в организации, из которой она исходила (не формально, а по существу), и целям которой она служила... Неправильно писать о товарищах по партии языком, который систематически распространяет среди трудящихся масс ненависть, отвращение, презрение и т.д. для тех, кто придерживается других мнений. Но можно и нужно писать в таком тоне об организации, которая отделилась. Почему это необходимо? Потому что, когда произошел раскол, долг человека — вырвать массы из-под руководства отделяющейся секции» (*ibid.* p. 425).

«Существуют ли какие-либо пределы допустимой борьбы, вытекающей из раскола? Никакие партийные стандарты не устанавливают пределов такой борьбе, и таких пределов быть не может, ибо раскол подразумевает, что Партия прекратила свое существование» (р. 428). Мы можем поблагодарить меньшевиков за то, что они спровоцировали Ленина на это признание, которое он подтверждал всей своей деятельностью на протяжении жизни: никаких препятствий не существует, и все, что имеет значение, — это достижение своей цели.

В отличие от Сталина, Ленин никогда не руководствовался мотивами личной мести: он относился к людям — и следует подчеркнуть, к самому себе — исключительно как к политическим инструментам и инструментам исторического процесса. Это одна из наиболее характерных черт его личности. Если бы того требовал политический расчет, он мог бы в один прекрасный день облить человека грязью, а на следующий пожать ему руку. Он поносил Плеханова после 1905 года, но сразу перестал это делать, когда обнаружил, что Плеханов был противником ликвидаторов и эмпириокритиков и был, благодаря своей репутации, ценным союзником. Вплоть до 1917 года он предавал Троцкого анафеме, но все это было забыто, когда Троцкий стал большевиком и проявил себя как одаренный лидер и организатор. Он осудил предательство Зиновьева и Каменева, публично выступивших против плана вооруженного восстания в октябре, но впоследствии позволил им занять высокие посты в партии и Коминтерне. Когда необходимо было атаковать кого-либо, личные соображения отметались в сторону. Ленин был способен отложить на время споры, если считал возможным прийти к согласию по основным вопросам — например, он не замечал философских ошибок Богданова, пока последний не выступил против него по вопросу о представительстве партии в Третьей Думе; но если спор касался чего-то, что он считал важным в определенное время, он не проявлял к противнику никакого милосердия. Он высмеивал вопросы личной лояльности в политических спорах. Когда меньшевики обвинили

Малиновского, одного из лидеров большевиков, в том, что он является агентом Охранки, Ленин с предельной яростью опроверг эту «низменную клевету». После Февральской революции выяснилось, что это было правдой, после чего Ленин обрушился на Родзянко²⁹, председателя Думы. Родзянко, как оказалось, был проинформирован о роли Малиновского и добился его отставки из Думы, но не сказал большевикам (которые в это время засыпали партию Родзянко оскорблениями), на том основании, что, когда он получил информацию от министра внутренних дел, он дал слово чести не разглашать ее. Ленин был полон псевдоморального возмущения тем фактом, что противники большевиков не оказали им помощи под нелепым предлогом «чести».

Еще одной характерной чертой Ленина является то, что он часто проецировал свою враждебность в прошлое, чтобы показать, что противник всегда был негодяем и предателем. В 1906 году он написал, что Струве был контрреволюционером еще в 1894 году («Победа кадетов и задачи рабочей партии»; *Works*, vol. 10, p. 265), хотя никто не мог предположить этого из споров Ленина со Струве в 1895 году, когда они еще сотрудничали. В течение многих лет Ленин считал Каутского теоретиком высокого уровня, но после того, как Каутский занял «центристскую» позицию во время войны, Ленин осудил его за то, что он проявил «оппортунизм» в брошюре 1902 года («Государство и революция»; *Works*, vol. 25, p. 479) и утверждал, что он не писал как марксист с 1909 года (*Works*, vol. 22, p. 106). На протяжении 1914–18 годов, критикуя «социал-шовинистов», Ленин ссылаясь на Базельский манифест Второго интернационала, который призывал партии не иметь ничего общего с империалистической войной; но после окончательного разрыва со Вторым интернационалом оказалось, что Манифест был обманом «ренегатов» (*Works*, vol. 33, p. 206). В течение многих лет Ленин настаивал на том, что он не поддерживает какое-либо отдельное направление в социалистическом движении, но что он и большевики придерживаются тех же принципов, что и социал-демократы Европы, особенно Германии. Но в 1920 году в работе

«Детская болезнь “левизны” в коммунизме» было сказано, что большевизм как разновидность политической мысли существовал с 1903 года, что действительно было правдой. Ретроактивный взгляд Ленина на историю, конечно, не шел ни в какое сравнение с систематической фальсификацией времен Сталина, когда любой ценой нужно было показать, что нынешняя оценка отдельных лиц и политических движений была одинаково верна для всех прошлых лет. В этом плане Ленин только сделал первый шаг и часто мыслил рационально: например, он до конца утверждал, что Плеханов сделал очень много для популяризации марксизма, и что его теоретические работы должны переиздаваться, хотя Плеханов в то время был полностью на стороне «социал-шовинистов».

Поскольку Ленина интересовал только политический эффект его трудов, в них много повторов. Он не боялся повторять одни и те же идеи снова и снова: он не думал о стилистике, он просто стремился оказать влияние на партию или рабочих. Примечательно, что его стиль становится максимально жестким во фракционных спорах и когда он обращается к партийным активистам, но к рабочим он обращается в гораздо более мягких выражениях. Некоторые из его работ, адресованных рабочим, являются шедеврами пропаганды, такие как «Политические партии в России и задачи пролетариата» (май 1917 года), в которой дается краткое и ясное изложение позиции соответствующих партий по основным вопросам того времени.

В теоретических дебатах он также в большей степени стремился подавить противника словами и оскорблениями, чем детально анализировать аргументы. «Материализм и эмпириокритицизм» — выдающийся пример этого, но есть и много других. В 1913 году Струве опубликовал книгу под названием «Экономика и цены», в которой он утверждал, что по замыслу Маркса стоимость, не зависящая от цены, является метафизической и неэмпирической категорией и экономически излишней. (Идея была не нова, ее выдвигали многие, начиная с Конрада Шмидта). Ленин прокомментировал это так: «Ну, как не назвать этот самый “радикальный” метод

самым легковесным? Тысячи лет человечество подмечает законосообразность в явлении обмена, силится понять и точнее выразить ее, проверяет свои объяснения миллионами и миллиардами повседневных наблюдений над экономической жизнью, — и вдруг модный представитель модного занятия — собирания цитат (я чуть-чуть не сказал: собирания почтовых марок) — “отменяет все это”: “ценность есть фантом”. (*Works*, vol. 20, p. 200). Далее Ленин объясняет: «Цена — это проявление закона стоимости. Стоимость — это закон цены, то есть обобщенное выражение явления цены. Говорить здесь о “независимости” — это издевательство над наукой» (*ibid.*, p. 201). Далее следует вывод: «Изгнание законов из науки есть на деле лишь протаскивание законов религии». И мнение: «Неужели г. Струве рассчитывает столь грубыми приемами обмануть своих слушателей и прикрыть свое мракобесие?» (*ibid.*, p. 202, 204). Это типичный пример обращения Ленина с противником. Струве сказал, что стоимость не может быть рассчитана независимо от цены; Ленин пишет, что говорить о независимости — это насмехаться над наукой. Здесь нет даже попытки оспорить аргумент, который тонет в потоке слов и обвинений.

Следует, однако, повторить, что Ленин и к себе относился так же, как и к другим людям и действиям исходя из тех же принципов. Он не думал о личной выгоде; в отличие, например, от Троцкого, он ни в коей мере не был позером и не был склонен к театральным жестам. Он считал себя орудием революции и был непоколебимо убежден в своей правоте — настолько убежден, что не боялся в одиночку или почти в одиночку противостоять своим политическим противникам. Он был похож на Лютера по силе своей веры в то, что Бог, или, скорее, История, говорила его устами. Он, например, с презрением отверг упрек Ледебура в Циммервальде в том, что он призывал русских рабочих проливать кровь, а сам в это время оставался в безопасности в чужой стране. Такие возражения были абсурдны с его точки зрения, поскольку в интересах революции он должен был действовать из-за границы; учитывая условия в России, без эмиграции не могло

быть революции. В любом случае никто не мог обвинить его в личной трусости. Он был способен взять на себя самую тяжелую ответственность и всегда занимал четкую позицию в любом споре. Он, безусловно, был прав, упрекая лидеров всех других социалистических групп в том, что они боялись захватить власть. Остальные сочли более безопасным полагаться на законы истории; Ленин не боялся, он играл по самым высоким ставкам и выиграл.

Почему он победил? Конечно, не потому, что он правильно предвидел ход событий. Его пророчества и оценки часто оказывались ошибочными, иногда вопиюще ошибочными. После поражения 1905 года он долгое время верил, что новый взрыв неизбежен; однако, когда он понял, что волна революции спала и что придется долгие годы работать в реакционных условиях, он немедленно сделал выводы из сложившейся ситуации. Когда Вильсон был избран президентом Соединенных Штатов в 1912 году, он заявил, что двухпартийная система в Америке была несостоятельна по сравнению с социалистическим движением. В 1913 году он не менее категорично заявил, что ирландский национализм в среде рабочего класса угас. После 1917 года он со дня на день ожидал европейской революции и думал, что сможет управлять российской экономикой с помощью террора. Но все его ошибочные суждения были связаны с ожиданиями усиления революционного движения и тем, что это проявится раньше, чем случилось на самом деле. С его точки зрения, это были полезные ошибки, поскольку только на основе неверной оценки ситуации он принял решение о вооруженном восстании в октябре 1917 года. Его ошибки позволили ему в полной мере использовать возможности революции и, таким образом, стали причиной его успеха. Гениальность Ленина заключалась не в предвидении, а в том, что он в нужный момент объединил всю энергию общества, которую можно было использовать для захвата власти, и подчинил все свои усилия и усилия своей партии этой единственной цели. Немыслимо, что без ленинской целеустремленности большевики могли бы добиться успеха. Если бы не он, они продолжали бы

бойкот Думы до критического момента; они не решились бы на вооруженное восстание, чтобы взять власть полностью в свои руки; они не подписали бы Брест-Литовский договор и, возможно, в последний момент не приняли бы Новую экономическую политику. В критических ситуациях Ленин совершал насилие над партией, и в результате его дело побеждало. Мировой коммунизм, каким мы его знаем сегодня, действительно является его детищем.

Ни Ленин, ни большевики не «делали» Революцию. С начала века стало ясно, что самодержавие находится в шатком положении, хотя никакие «исторические законы» не предписывали способ его падения. Февральская революция произошла по причине совпадения многих факторов: войны, крестьянских требований, памяти о 1905 годе, заговора либералов, поддержки со стороны Антанты³⁰, радикализации трудящихся масс. По мере развития революционного процесса лозунгом была Советская власть, и те, кто поддерживал Октябрьскую революцию, хотели власти для Советов, а не для большевистской партии. Но «советская власть» была анархистской Утопией, мечтой об обществе, в котором массы людей, в большинстве своем невежественных и неграмотных, на постоянных коллективных собраниях решали бы все экономические, социальные, военные и административные вопросы. Вряд ли даже можно сказать, что советская власть была свергнута. Лозунг «Советы без коммунистов» часто использовался в народных антибольшевистских восстаниях, но на практике он ничего не значил, и большевики это знали. Они смогли заручиться поддержкой в качестве *советского правительства* и направить энергию Революции в нужное русло в тот период, когда они были единственной партией, готовой управлять в одиночку.

Тем не менее, фактический революционный процесс был гораздо более советским, чем собственно большевистским, и в течение нескольких лет культура, настроения и привычки нового общества отражали тот факт, что революционный процесс возник в результате взрыва, в котором большевики были наиболее организованной силой, но ни в коем случае

не составляли большинство общества. Революция была не большевистским *coup d'état*³¹, а настоящей революцией рабочих и крестьян. Только большевики смогли использовать ее в своих собственных целях; их победа была одновременно поражением революции и поражением коммунистических идей, даже в их большевистской версии. Ленин с поразительной ясностью описал предстоящие опасности на Одиннадцатом съезде партии в марте 1922 года (последнем, на котором он присутствовал). Говоря о слабости коммунистов по отношению к культуре, унаследованной от царских времен, он отмечал: «Если народ-завоеватель культурнее народа побежденного, он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) оказались подчиненными чужой культуре? Правда, может возникнуть впечатление, что побежденные обладают высокой культурой. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она находится на более высоком уровне по сравнению с нашей...» (*Works*, vol. 33, p. 288).

Это одно из самых проницательных наблюдений Ленина о созданном им государстве. Лозунг «учимся у буржуазии» был воплощен на практике одновременно трагическим и гротескным образом. С огромным трудом и лишь с частичным успехом большевики приступили к усвоению, как они это делают до сих пор, технических достижений капиталистического мира. Не прилагая никаких усилий, они быстро и полностью переняли методы правления и управления царских чиновников. Революционные мечты сохранились только в виде фразеологических остатков, украшающих тоталитарный империализм режима.

